

СИБИРИАДА

ВЛАДИМИР
ТОПИЛИН

Остров
Тайна

Сибиряда

Владимир Топилин

Остров Тайна

«ВЕЧЕ»

2014

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Топилин В. С.

Остров Тайна / В. С. Топилин — «ВЕЧЕ», 2014 — (Сибириада)

Обыкновенная семья русских переселенцев Мельниковых, вышедших из помещичьей кабалы, осваивается на необъятных просторах подтаежной зоны Сибири. Закрепившись на новых угодьях, постепенно обустроившись, они доводят уровень своего благосостояния до совершенства тех времен. Мельниковы живут спокойной, уравновешенной жизнью. И неизвестно, сколько поколений этой семьи прожило бы так же, если бы не революция 1917 года. Эта новая напасть – постоянные грабежи, несправедливые обвинения, угрозы расправы – заставляет большую семью искать другое место жительства. Люди отправляются на север, но путешествие заканчивается трагически. Единственный случайно уцелевший мальчик Ваня Мельников оказывается последним в роду и последним хранителем важной семейной тайны...

УДК 821-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Топилин В. С., 2014
© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Встреча в тайге	6
Некуда деваться	9
Проклятие бабки Глафиры	15
Анна	24
Один день Мельниковых	32
Последний медосбор	39
Этап	52
Застава Ломоватская	58
Остров Тайна	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Владимир Топилин

Остров Тайна

© Топилин В. С., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

Встреча в тайге

Куда бы ни упал взгляд её испуганных глаз, всюду стоят вековые, чёрные деревья. Лохматые, толстые кедры перемежались с высокоствольными пихтами и елями. Между ними изредка встречались тонкие берёзки, жидкие рябинки и хилые сплетения кустов таволжника. Глухая чаща пугает, появляется настороженное, гнетущее чувство, как после страшной сказки бабки Дарьи, рассказанной детям на ночь, где оживает всякая растительность, вязкие корни превращаются в змей, а дикие звери ожидают человека за каждой валежиной. В таком лесу бывалый таёжник смотрит в оба глаза: не заблудиться бы, не закрутиться, вовремя заметить опасность. О ребёнке и говорить не приходится. Отпустить дитя в бескрайние дебри одного – всё равно, что отправить его на гибель.

Здесь всегда кипит жизнь. Проказливый ветер-верховик, что теребит сочную хвою, вдруг налетит порывами, раскачает из стороны в сторону прочные стволы. Падают на землю большие, размером с голову зайца, кедровые, охристые шишки. Переключаясь тонкими голосами, снуют мелкие пичуги. Звонко цокая, гоняются друг за другом пышнохвостые белки. Взбивая тугой воздух упругими крыльями, порхают краснобровые рябчики. Там и тут вразнобой горланят дрозды. Кажется, никому нет дела до тонкого, призывающего на помощь детского крика.

В распадке движение: щёлкнул сучок, чавкнула под копытом коня грязь, глухо стукнули деревянные колеса. Вдалеке в просвете мелькнули тёмные тени, изредка лесную тишину нарушали негромкие голоса людей. По едва видимой тропинке движется обоз. Четыре взмыленные лошади тянут за собой скрипучие телеги с тяжёлыми, объёмными мешками. Три мужика тихо, опасаясь посторонних глаз, ведут коней под уздцы в гору.

Впереди залаяли собаки. Обозники остановились. На потемневших лицах отразился испуг, в глазах сверкнули искорки страха. Сыны посмотрели на отца: что дальше? Тот нервно запустил пальцы в бороду, прислушался, стараясь понять, на кого обращён голос: на зверя или человека. К собачьим голосам добавился слабый писк, отдалённо напоминавший мяуканье котёнка. Старший сын потянулся за ружьём, негромко спросил у отца: «Пойду, посмотрю?..» Мужчина согласно кивнул головой. Парень осторожно направился в тайгу.

Ожидание длилось недолго. С угорья, куда ушёл парень, раздался глухой, успокаивающий голос. Последний раз тявкнули и умолкли собаки. До ушей обозников долетели какое-то мурлыканье, лёгкий смех и радостный плач. Прошло ещё несколько минут, и из стены леса вышел сын. Закинув за спину ружьё, он нёс на руках... ребёнка. Девочку лет семи. Чумазую, с растрепавшимися из-под платочка волосами, порванном в нескольких местах лёгком, летнем платье и грязными, босыми ногами.

– От-те ферт! – растерянно развёл руками отец. – Енто что за явление Христа народу?!

– Вот, тятя, нашёл и сам удивился! – с улыбкой прижимая к груди неожиданную находку, отвечал парень. – Думал, козуля али кабарга хнычет, а как подошёл ближе – вот-те раз! Дитя под кедром сидит, плачет, слово сказать не может. Как увидела меня, так к ногам и прижалась.

– Да уж... дела! – продолжал отец, и девочке: – Говорить-то можешь? – Та кивнула головой. – Ты кто такова? Откель будешь? Живёшь-то где? Как зовут-то?

– Маша. Из Жербатихи я, – живо ответила девчушка, дав понять, что своих спасителей она не боится.

– Во как! Мария, значит, – в удивлении поднял брови отец, прикидывая расстояние отсюда до таёжного посёлка. – Чья же ты дочка? Тятя кто твой?

– Тятя? – смело переспросила та и охотно ответила: – Тятю звать Михаил. А мамка... нет мамки. Померла в прошлом году... А вторая мамка, Наталья, водку пьёт да ругается.

– Уж не Михаила ли Прохорова ты дочка? – спросил парень постарше, а когда та утвердительно качнула головой, с тревогой осмотрелся по сторонам. – А с кем ты тут?

– Одна. Тишка да Митька меня сюда привели за шишками, а сами убежали... – проговорила Маша и захлопала носом.

– Как убежали? Бросили, что ли? И давно ты тут, в тайге?

– Ночевала тутака, под деревом... Страшно!

– Во как, мила моя! Со вчерашнего, знать, здесь... Есть хочешь? Возьми хлеба... – отец достал из мешка каравай, отломил малышке. Девочка с жадностью припала к еде.

Старший сын посадил ее на мешки. Все трое переглянулись, негромко заговорили:

– А что, коли дорогу укажем домой, одна доберёшься? – наконец-то спросил отец, дождавшись, когда она доест последний кусок.

Девочка согласно кивнула головой и вдруг спросила:

– А вы, дядечка, тоже в тайге зерно прячете?

– Какое зерно?! – побелели от страха мужики.

– Так вот же, в мешках! – Маша похлопала ладошкой по объёмным кулям и доверчиво начала рассказывать свою историю. – У меня тятя такое же зерно прятал в тайге. Потом дядьки в фуражках приехали, зерно нашли, – и по-взрослому, тяжело вздохнув, добавила с накатившимися на глаза слезинками: – Тятю забрали. До сих пор не приехал.

– Да нет же... не зерно то... орех кедровый везём... Откуда у нас зерно? – пытаюсь доказать обратное, загудели все трое.

– А я вас знаю, дядечка! – улыбнулась Маша, глубоко, преданно вглядываясь в глаза своим благодетелям. – Вы на мельнице живёте. Мы к вам с тятей приезжали муку молоть. Вы мне ещё леденец давали.

– Дык... да... Наверное... Может быть... Орех-то кедровый в мешках. Орехом промываем... – в полной растерянности лопотал отец, испуганными глазами посматривая на сынов. – На, вот тебе ещё хлеба... Забери весь... Одначесь, тебе домой надо... – передавая каравай девочке, дрожащим голосом говорил он. – Слушай, где речка внизу шумит. По ентот тропке пойдёшь и скоро на дорожку выйдешь, а по дорожке той рядом с речкой вниз поспешишь. Так к дому и выйдешь! Поняла? Да только... никому не говори, что нас видела. Ладно?

Маша согласно кинула головой, прижала к груди краюху хлеба, поблагодарила и пошла вниз в указанном направлении.

Отец и сыновья с тревогой смотрели ей вслед, набожно осеняя себя крестами. Губы шептали слова молитвы:

– Мать Пресвятая Богородица! Царица Небесная! Спаси и сохрани! Пронеси от злого рока!..

Надо ж такому приключиться... Человечка в тайге встретить! А ну как скажет кому?!

Очень скоро выбравшись на таёжную дорогу, Маша поспешила вдоль речки. Проворно перебирая босыми ногами, обходя грязь и лужи, не забывала отщипывать от большой краюхи маленькие кусочки хлеба.

Оставшееся до жилья расстояние она прошла без приключений. Перед посёлком, у покотины, навстречу попался отряд кавалеристов из восьми вооружённых всадников. Поравнявшись с ней, они задержались. Передовой, одетый в кожаную куртку, с красовавшейся звёздочкой на фуражке, остановил рядом с Машей танцующего коня:

– Эт-то откель такая махонькая да чумазая?

– Дак откуда? Ясно, что от Мельниковых бежит. Видно, попрошайничать бегала, – с усмешкой ответил за неё круглолицый, покрытый веснушками, красноармеец. – Что с неё спрашивать? Всё равно ничего не знает.

– Почему не знает? – не слушая подчинённого, продолжал комиссар, полез в карман, достал кусочек сахара. – На вот, – нагнулся к девочке, подал угощение. – Бери, не бойся! Сладкий.

Она взяла сахар, ответила благодарностью:

- Спасибо!
- Как тебя зовут?
- Маша.
- Видела ты кого-нибудь по дороге, Маша? – прищулив глаза, спросил комиссар.
- Нет, – не отводя глаз, соврала девочка.
- А кто же тебе хлеб дал?

Она потупила взгляд, не зная, что ответить. Помог всё тот же словоохотливый, рябой красноармеец.

– Неужели непонятно, товарищ комиссар, откуда хлеб? Весь посёлок у Мельниковых кормится. Коли есть хлеб, знать, и зерно имеется! Нечего с ней время терять. Поедем, тёплыми застанем...

Тронув коней, отряд подразвёрстки поскакал по таёжной дороге. Маша побежала домой.

Некуда деваться

Усадьба Михаила Прохорова в посёлке на видном месте, третья от ржаного поля. Крепкий, двухэтажный дом из лиственницы, с резными наличниками, железной крышей и многочисленными постройками, привлекает внимание любого человека. Местное население Жерба-тихи относится к крепкому хозяйству по-разному. Кто-то видит в Михаиле хорошего, хваткого, предприимчивого, работающего мужика. Другие зло прищуривают глаза, подсчитывая богатый урожай зерновых, либо вовремя заготовленное в зиму сено. У Михаила своя молотилка, две конные косилки, конюшня на шесть лошадей, три коровы, свиньи для продажи, несчитанное количество кур. Погонный амбар за домом забит зерном, а прохладные погреба завалены картофелем и другими овощами.

Завидуют соседи зажиточному крестьянину, а по новым временам кулаку Михаилу Прохорову. А зависть, как известно, без глаз: никогда не видит, каким трудом и горбом достаётся щедрый урожай. Трудно понять, что крестьянину надо ежедневно вставать до восхода солнца, а ложиться с приходом темноты, пахать поле до тех пор, пока лошадь от усталости не упадёт, соскребать поздним вечером с пропитанной потом рубахи соль. Цену труду знает только тот, кто прожил крестьянские будни и помнит, сколько стоит одна подкова для лошади и как сложно достать молотилку.

Неизвестно, до каких материальных высот мог подняться Михаил Прохоров к своим преклонным годам, если бы не 1917 год. Может, и сбылась бы мечта хорошего хозяина: завести свой небольшой ямской двор, расширить поголовье лошадей до трёх десятков, гонять обозы с зерном, возить людей в санях до Красноярска. Новая власть и всеобщая коллективизация внесли резкие перемены в нелёгкую жизнь сибиряков.

Народная революция пробиралась в Сибирь годами. Жителям отдалённых таёжных деревень и золотых приисков воевать и бунтовать некогда. Не успеют рожь посеять, как пора сено на зиму косить. Вот уже и пшеница созрела, картошка подошла, орех пошел. Еще заготовить дров на зиму, рыбу, мясо. Кто не успел запасы сделать, тому до следующей весны поясок на пузе туже подтягивать приходилось. Какое тут может быть бунтарство? Детей бы накормить, да самому валенки к морозам справиться.

Не все так просто было в те далекие годы. Сибирские крестьяне практически не знали помещичьего гнета и нехватки земли. В основной массе они любили труд, корчевали под пашню столько тайги, сколько нужно, обзаводились крепким хозяйством. Живущие далеко от больших городов, они не всегда понимали, для чего и зачем нужна была революция семнадцатого года. Если бы каждому из них растолковали смысл ленинской идеи коллективизации, которая предполагала только добровольное объединение крестьян, возможно, все произошло иначе. Они бы, скорее всего, поняли и со временем приняли преобразования.

Но, как говорится, слышали звон, да не знают, где он. Среди них были и лодыри, и пьяницы, которые не имели ни кола, ни двора, а те, кто имел, не хотели даже у себя починить забор и подлатать дырявую крышу дома. Таких немного, по два-три человека на деревню, но они быстро уловили в перемене власти головокружительную, личную выгоду.

Зачем самому пахать землю, ехать в тайгу за лесом или плюхаться в ледяной воде, отмывая золото, если можно под шумок отобрать еду и кров у зажиточного соседа? Да такого со дня рождения ни один лодырь не видел! И с револьвером в руках стали по дворам зерно да скотину считать, как свое, кровно нажитое добро.

Коллективизация в Сибири только разозлила зажиточного крестьянина, насильно загоняя в колхозы. А отказавшихся начали преследовать.

Пришли братья Бродниковы во двор к Михаилу Прохорову, как к себе домой. В первую очередь под себя пару добрых коней подобрали. Из амбара половину зерна выгребли. Косилку и конские грабли конфисковали. На этом вроде успокоились, но пригрозили:

– Смотри у нас, Михаил Григорьевич. Теперь мы – власть! Мы – народ! Как скажем – так и будет.

Посмотрел Михаил на новую власть с тоской и пустотой в душе:

– Что же это за власть такая, чтобы честно нажитое потом, кровью, годами добро в руки ахмадеев перешло?!

Непонятна честному труженику политика новой партии. Да и кто партийцы? Кто ваятели новой жизни? Ванька с Петькой, что в прошлом году нанимались к нему навоз в поля вывозить.

Не только Михаил Прохоров не мог понять подобного. Семен Глазырин, торговавший зерном, с округлившимися глазами разводил руками:

– Как же так получается? Я всю жизнь мозолистыми руками колосок к колоску прибирал, своим дыханием шелуху выдувал, а теперь, значит, должен отдать своё добро на потеху лихomanцам?!

Уважаемый сельчанами дед Валуев топал ногами:

– Вот те раз! Сколько лет скот выращивал, племенных бычков да коров разводил, а тут голь перекатная наверх полезла... Мясо жрут вдоволь, зубы скалят, оскорбляют.

Никифор Мельников с сыновьями скрипят зубами. Третий раз братья Бродниковы на мельницу наведываются. Два обоза с мукой вывезли, ссылаясь на голод в стране и, так называемую, продразвёрстку. Может, и ладно, если бы всё в дело шло. Увезли Петька с Ванькой зерно, муку и сельхозорудия в район. Но только добрая половина оседала в карманах перекупщиков. Каждый день Бродниковы употребляли самогон, ели копчёную колбасу, хвастались новой одеждой и сапогами. Спрашивается, откуда у голытьбы деньги?

Недовольство волнует души крестьян, сетуют мужики на поведение бесчинщиков. В округе дела обстоят не лучше. В каждом населённом пункте есть свои Петьки да Ваньки. Обратиться некуда. Более того, слух в народе плавает, что скоро всё хозяйство на селе станет общим, наступит «коллективизация».

Тяжело на сердце Михаила Прохорова. Всё, чего всю жизнь добивался, в одночасье оплелось паутиной. Впереди – ни просвета, ни отдушины. Для чего стараться, если завтра всё отберут? Недавно умерла жена Дарья. Нет больше в крестьянской семье никого, кроме дочери Маши, которая родилась по деревенским мерам поздно.

Частые недуги одолевали Дарью, не смогла родить Михаилу достойных помощников-сынов. Сама преставилась от мучительной болезни к сорока неполным годам. Остались Михаил с маленькой дочкой одни. Большой, двухэтажный дом казался пустым. Для обслуживания крепкого хозяйства требовались проворные руки. Соседи настаивали:

– Как ты теперь, Михаил, с махонькой дочкой? Нехорошо, неправильно без женщины жить. Дарью не вернёшь. Каким бы ни было горе, а жизнь продолжается! Веди в дом новую жену. И тебе хорошо, и дочке опора. Наталья Потехина, солдатка, без мужика живёт.

Долго думал Михаил, всё не мог забыть любимую. К словам добродетелей прислушивался с неохотой, к улыбочивой Наталье относился с осторожностью. Со стороны посмотреть – ладная баба. Одна коровенку держит, как-то двоих ребятишек поднимает. Муж погиб в Первую мировую войну, но после этого в деревне слуха не было, чтобы Наталья связывала себя с кем-то из мужиков. При людях тиха и спокойна, в работе проворна и быстра. Хоть и внешне не красавица, но с лица воду не пить. На второй год после смерти жены решился Михаил на совместную жизнь с солдаткой. Привёл в дом Наталью с двумя сыновьями-подростками. Как потом оказалось, зря.

Первые месяцы жизни прошли спокойно. Наскучавшаяся по мужику и достатку, Наталья принесла в дом уют и порядок, исправно вела большое хозяйство, уважительно относилась к

Михаилу, оставалась внимательна к падчерице. До тех пор, пока на свет родился сын. Отсюда всё и началось.

С появлением мальчика Наталья показала свой истинный нрав. Она стала считать себя полноправной хозяйкой, навязывать окружающим свои порядки. Как в старой сказке о Золушке. Постепенно Михаил покорно принял обязанность чёрного работника. Маша выполняла обязанности прислуги, со слезами на глазах принимая насмешки и издевательства сводных братьев и мачехи. Кроме того, Наталья вдруг оказалась страстной поклонницей алкоголя.

Дела Михаила шли плохо. Тяжёлая обстановка в селе, изъятие зерна, скота, молотилки, вывели мужика из равновесия. Однажды, вернувшись с поля поздно вечером, он застал хозяйку изрядно пьяной. Сварливая жена не могла найти оправдательных слов, не говоря о том, чтобы накормить голодного мужа. Все беды прошедшего дня были свалены на голову малолетней няньки, которая водилась с трёхмесячным Егоркой, но не успела протопить печь и сварить обед. Пьяница схватила девочку за косички, со злостью замахнулась кулаком.

Всегда спокойный, уравновешенный Михаил не сдержался, вступился за дочь, избил бабу. Та затаила обиду, ничего лучше не придумав, как рассказать Ваньке и Петьке Бродниковым, где Михаил спрятал в тайге сорок пудов отборной пшеницы. Исход превзошел все ожидания: Михаилу дали пять лет тюрьмы.

Для Машеньки наступили истинно чёрные дни. Жизнь под гнётом мачехи и двух сводных братьев приравнивалась к каторге. Девочка вставала рано утром, несла в дом дрова, воду, топила печь, убирала комнаты, кормила скот. Когда Наталья болела с похмелья, ей приходилось доить коров. Но основная обязанность падчерицы заключалась в уходе за Егоркой, которому ещё не исполнилось и года. Сводные братья, копируя мать, жестоко подшучивали над девочкой, обвиняли во всех бедах и часто били. Переживая очередную несправедливость по отношению к себе, Маша пряталась за печку или под крыльцо, плакала, но безропотно выходила на голос мачехи исполнять очередное поручение.

Так продолжалось изо дня в день. Маленькая служанка превратилась в волчонка на привязи, который ждёт удара палки и не может выбраться свободу. Помочь было некому, как и некуда пойти.

В тот памятный день сводные братья Тишка и Митька отправились за кедровым орехом, взяв с собой сестру, что бы та собирала и обрабатывала шишки. Наталья не возражала, отпустила падчерицу с одним условием: чтобы та вечером протопила баню. Маша и не подозревала, что мальчишки бросят её и даже не вспомнят, что она босая и голодная. Оставленная на произвол судьбы, она переночевала в тайге под кедром, где её нашли отец и сыны Мельниковы.

Благополучно избежав допроса красноармейцев за поскотиной на краю села, Маша свернула за огороды. Пробраться необходимо было тихо, чтобы не заметили братья. Злых криков и подзатыльников мачехи девочка не боялась, привыкла. Сейчас у неё была одна забота – найти место, где спрятать недоеденный каравай.

Трудолюбивую девочку не часто потчевали вкусной едой. Последний раз она видела сахар при отце. Сладкие пряники и печенье от неё прятали, кушать за стол сажали после всех, когда насытятся Наталья, Тишка и Митька. Остатки супа или варёной картошки приходилось дополнять чёрными сухарями.

После того как посадили Михаила, мачеха перестала печь хлеб, покупала на припрятанные от хозяина деньги у соседей столько, чтобы хватало ей и любимым отпрыскам. Подарок Мельниковых: большой, свежий, утром испечённый каравай хлеба, для Маши стал лакомством, сравнимым с так хорошо запомнившимся сладким пряником.

Маша улыбалась. Она представила, как сегодня вечером подоит корову, а потом с парным молоком покусает на сеновале хлеб, который ей дали добрые дяди в тайге. Ей казалось, что в мире нет ничего вкуснее! За то, что Бурёнка дает ей молоко, она поделится с ними небольшими кусочками хлеба. И Разбою даст. Разбой – добрый друг Маши, верный пёс, которого всегда

держат на привязи. Когда девочка плачет, спрятавшись под крыльцо, Разбой жмётся к ней, лижет лицо и тихо скулит. Только он понимает её горе, наверное, тоже плачет, зная, что такое боль. Тишка и Митька не раз избивали преданного сторожа палками.

На большом, отведенном под посадку картофеля участке, – никого. Пожухлая ботва перемешалась с бурьяном. Не хватило сил у Машеньки обработать большое картофельное поле одной. Помощников не было. По краям – высокая трава-дурнина, в которой сейчас хорошо прятаться от посторонних глаз.

За огородом, прямо перед домом, стоит пустующий амбар для зерна. В этом году туда никто не насыпет пшеницу и рожь. Слева – зимние пригоны для скота. Наверху – полупустые сеновалы, в которых сена, как говорил отец Михаил, на один жевок.

Осторожно пробравшись к пригонам, девочка залезла на сеновал. Здесь ей знаком каждый угол, много раз приходилось прятаться от пьяной мачехи и ее сынков, ночевать одной, закутавшись в старое одеяло на остатках пахучего сена.

А вот и доброе убежище в уголке над коровником. Маша положила хлеб на сено, накрыла одеялом. Сегодня вечером она заберётся сюда съесть припрятанный запас, запивая его тёплым молоком, и будет слушать, как сытая коровушка пережёвывает жвачку, фыркают отдыхающие лошади, где-то далеко на угорье шумит хвойный лес, а в глубоком логоу журчит беспокойная, холодная речка. И станет ей так хорошо, тепло, сытно, почти как тогда, когда она забиралась сюда с отцом из душной избы на ночлег. Он прижимал её к себе, рассказывал истории и сказки, а она, счастливая, засыпала, чувствуя его сильную, мозолистую ладонь, крепким, детским сном.

Забравшись по куче слежавшегося сена под крышу, Машенька заглянула в щель между досок, откуда хорошо просматривалась ограда дома.

Посреди двора на чурке сидит Митька. Уставившись в одну точку, он снова и снова бьёт палкой по камню, пытаясь понять, почему тот не разбивается. В его глазах пустота. Мачехи Натальи и Тишки не видно.

Недолго задержавшись у наблюдательного пункта, Машенька спустилась с сеновала по лестнице. Разбой услышал её шаги, выскочил из-под крыльца, узнал, радостно залаял. Митька повернул голову, от удивления открыл рот, выронил палку, вскочил на ноги, какое-то время смотрел на девочку. Он был твёрдо уверен, что никогда больше не увидит её.

– Ты это... откуда?! – только и мог пролопотать Митька, но ответа не получил.

Не обращая на него внимания, Маша подошла к Разбою, приласкала собаку, после зашла в дом. Митька так и остался стоять с открытым ртом.

В доме прохладно, печь не топлена, полы не мыты, половики раскиданы по углам. За столом, уронив голову на руки, спит пьяная мачеха. В подвесной люльке кричит грязный и мокрый Егорка. Никто не может поменять ему пелёнки. Увидев Машу, братишка просветлел, улыбнулся двумя передними зубами, запищал котёнком, протянул навстречу ручки. Та взяла его, опустила на пол, побежала на улицу менять опилки в люльке. Митьки во дворе уже не было, по-видимому, он побежал за Тишкой, чтобы сообщить о неожиданном возвращении чернушки.

Девочка быстро уложила в зыбку одеяльце, сверху расстелила чистые, сухие простыни, налила в таз воды, чтобы искупать Егорку. На шум повернула голову пьяная мачеха. Заправив на голове разметававшиеся космы, Наталья в бешенстве сузила злые глаза:

– Ты где это целную ночь пропадала, гадина?!

Началось!.. Маша опустила голову, стараясь не обращать на нее внимания, молча продолжала обмывать Егорку. Лишь бы за волосы не начала таскать! Мачеха поднялась с табурета, раскачиваясь из стороны в сторону, размахивая руками, залилась ругательствами.

Во дворе, сквозь одинарное окно слышались взволнованные голоса: прибежали Тишка и Митька. Братья ещё долго не решались зайти внутрь дома. К этому времени Маша успела

уложить Егорку в люльку, сунула ему в рот бутылку с остатками, как оказалось, прокисшего молока. Ребёнок выплюнул соску, недовольно закричал, ещё больше распалив мать.

Внезапно заскочили разъярённые Тишка и Митька. В руках у одного из них остатки каравая, который Маша спрятала на сеновале в одеяло. Злорадно усмехаясь, он довольно показал его Наталье:

– Вот! На сеновале нашли!

– Отдай! – бросилась к нему Маша. – Не тебе дали!

Митька с силой оттолкнул её от себя, играя роль победителя. Девочка заплакала, подбегала к нему ещё и ещё раз, но всякий раз была отбита более сильным мальчишкой. В очередной раз Митька ударил её так, что она упала на пол. Закрыв лицо ладошками, Маша заплакала, а Митька торжественно передал хлеб матери:

– От нас спрятала. Сама сожрать хотела... одна.

Та взяла, понюхала:

– Где взяла?!

Несчастливая падчерица молчит.

– Говори, гадина, где взяла?! – наступая, продолжала орать женщина. – Украла?! – бросила хлеб на стол, схватила Машу за волосы.

Тишка и Митька отошли в сторону, довольные, наблюдая за тем, как над ней издевается их мать.

– Где своровала? Говори!.. – таская за волосы маленькую заложницу обстоятельств, продолжала Наталья.

– Не украла... – с глубоким стоном наконец-то созналась девочка. – Дядечки дали!..

– Какие дядечки? – удивилась мачеха, ослабив хватку.

– Там... в тайге, – сквозь рыдания ответила падчерица и рассказала всё, что произошло.

Плохо соображая, Наталья присела на табурет у стола, молча выслушала, а под конец только и смогла спросить:

– На телегах мешки везли?!

– Да, – подтвердила девочка, продолжая плакать.

– Смотри у меня! – прошипела полупьяная баба и переключила внимание на стол с красовавшейся посередине бутылкой с самогоном. – Наврала – космы повыдеру!.. – и стала наливать в стакан мутную жидкость.

Понемногу всё затихло. Наталья глотнула из стакана, начала давать указания падчерице:

– Воды неси... дров неси... картошку вари...

Митька и Тишка отломили по куску от каравая, проворно выскочили во двор по своим делам.

Прошло много времени, прежде чем девочка выполнила большую часть работы. Вкусный хлеб на столе не давал ей покоя. Жуткий голод подталкивал к тому, чтобы взять хоть немного, кусочек, но мачеха всё сидела за столом.

– Маменька! Кушать хочу! – робко попросила она, протягивая руку к караваю. – Можно кусочек хлеба возьми?!

– Ах ты, гадина ненасытная! – вдруг взорвалась Наталья, вскакивая из-за стола. – Тебе бы всё жрать! Нажраться не можешь! Я тя сейчас накормлю... – и, изловчившись, пнула Машу ногой в живот.

От сильного удара девочка перелетела через кухню, ударилась спиной об стену. Крик боли наполнил дом. Маша зарыдала, схватившись руками за живот, пьяная хозяйка, желая дальнейшей расправы, пошла на неё. Девочка выскочила из дома и юркнула под крыльцо. Слезы душили, острая боль в животе разрывала, мутный туман кружил голову. Согнувшись пополам, Маша упала на собачью подстилку.

Она не помнит, как долго пролежала. Бухали по крыльцу торопливые шаги, набатом в ушах отдавались голоса. Несколько раз под крыльцо заглядывали, смеясь, братья.

Она очнулась в густых сумерках от горячих прикосновений на щеках. Рядом лежал Разбой, согревая её теплом своего тела, лизал лицо. Маша зашевелилась. Пёс сочувственно заскулил, жалея, словно пытаясь перенять её боль на себя. Вспомнив, где она и что произошло, Машенька прижалась к четырёхлапому другу. Ей больше не с кем было разделить свою участь.

На улице тишина. Деревня спит. Девочка осторожно вылезла из-под крыльца, осмотрелась по сторонам. Окна дома черны, её никто не ждёт. Вероятно, мачеха уснула, а сводные братья заперли дверь на тяжёлый засов. На сеновале сейчас темно и страшно. Негде ночевать.

От мысли, что произойдёт утром, Маша задрожала. Горькие слёзки вновь заполнили глаза. Она больше не сможет выносить жестокое обращение мачехи, насмешки и издевательства Тишки и Митьки. Вот вернулся бы отец!.. Тогда бы всё вернулось на свои места. Он никогда не давал дочь в обиду, всегда заботился о ней.

От воспоминания о еде у девочки скрутило живот. Она вспомнила каравай. Обида за несправедливое наказание жалом змеи уколола трепещущее сердечко. Теперь, наверное, Тишка и Митька его съели, а те добрые дядечки, что угостили её хлебом в тайге, больше не встретятся.

В душе Маши загорелся тёплый огонёк надежды. Родная бабушка, мать отца Михаила, жила где-то далеко, в другой деревне, девочка не помнила путь к её дому. Зато помнила дорогу на мельницу, к тем добрым дядечкам. Отец Михаил брал туда дочь с собой несколько раз.

Не раздумывая, Маша пошла через ворота на улицу. За спиной заскулил Разбой. Девочка остановилась, оглянулась и подумала о том, что завтра его наверняка снова будут избивать. Несколько шагов назад. Проворные руки сдёрнули ошейник. Пес радостно побежал рядом с ней.

Глухо, едва слышно хлопнули за спиной тяжёлые ворота. Босые ноги зашлёпали по грязной поселковой улице. Рядом прыгал, метался из стороны в сторону, опьянённый волей, верный друг Разбой.

Маша бежала прочь от своего дома к добрым людям. От злой мачехи, от ненавистных сводных братьев. Где-то глубоко застонала мысль о крохотном Егорке. Однако возвращаться было поздно.

Проклятие бабки Глафиры

Одиноко взбреднула дворовая собака. За ней повторила ещё одна, залилась предупредительным звоном, вытравила злобный характер на черноту ночи. Лай становился настойчивее, яростнее. Сомнений не было: рядом с домом кто-то есть.

Проснувшись, Матрёна Захаровна толкнула мужа в бок:

– Слышь ли, собаки лают. Кто-то ходит...

– Слышу, чай, не глухой, – отозвался Никифор Иванович.

– Встань, поди, спроси, кому что надо. Может, опять вернулись...

– Вот те надо, иди и спрашивай! – сердито отозвался муж, накрывшись одеялом с головой.

Матрёна Захаровна притихла: если медведь, то сам уйдёт, а если человек, то докричится. Ей не хотелось вставать с тёплой постели, выходить во двор в прохладную ночь. Ждала, когда утомятся собаки, но те и не думали об этом: наоборот, напирая к воротам, лохматые сторожи давали понять, что за заплотом кто-то есть.

– Степан! Слышь ли? – громче заговорила Матрёна Захаровна, призывая старшего сына.

За нетолстой, дощатой стеной послышалась возня. Невестка Анастасия перевернулась на другой бок, толкнула мужа, после чего до ушей матери долетел глухой, сонный бас:

– Чего еще, маманя?!

– Слышь, Стёпка, собаки битый час лают. Сходи на крыльцо, посмотри, хто там.

– Пусть Володька сходит, – нехотя отозвался тот и передал дальше: – Вовка! Подымайся!

На двор сходи, собаки лают.

На втором этаже дома – тишина. Возможно, брат спал и не услышал просьбы, а может, не хотел подниматься вовсе. Так или иначе, пришлось встать Степану, с недовольным кряхтением он вылез из-под тёплого бока жены и, шлёпая по полу, направился к выходу.

– Керосинку не зажигай, сначала так спроси, хто там... – напутствовала сына мать.

– Сам знаю, – отозвался Степан и скрипнул дверью в сенях.

Его не было долго. За это время лай псов усилился. Снаружи бухал голос Степана, который недолго кого-то о чём-то спрашивал, а потом вернулся назад, в избу.

– Хто там? – в тревоге спросила Матрёна Захаровна.

– Не знаю, – отозвался Степан в темноте, следуя к кадке с водой. – Кто-то пищит за воротами. То ли зверёныш, то ли детёныш.

– Во как! – соскакивая с кровати, рассердился на старшего сына Никифор Иванович. – Ты что же, определиться не можешь, кто голос подаёт?!

Отец зажгёт лампаду, снял со стены ружьё, вышел на улицу. Залив в себя берестяной ковш воды, Степан последовал за ним.

Прохладная по-осеннему августовская ночь бодрит свежим воздухом. Гранёные горы очерчивают границу неба и земли. Притихшая, чёрная тайга сонно молчит. Где-то в стороне гудит, вращая мельничное колесо, густая вода. Впереди шумит быстрая река.

Несмотря на позднюю ночь, человеческий глаз хорошо определял всё, что находится вокруг. Мерцающие звезды давали достаточно света, чтобы рассмотреть дорогу за речкой, хлебные поля на угорье и большой кедр за насыпной дамбой.

У высоких ворот крутятся собаки. Сторожевые псы дают сигнал, что за оградой кто-то есть и, похоже, не зверь... Никифор Иванович и Степан друг за другом проследовали к воротам, остановились. Отец спросил:

– Кто там?!

Тишина. Однако собаки не отступаются, рвут доски, копают землю, пытаются добраться до чужака. Мужчины постояли некоторое время, пожали плечами. Степан щёлкнул курком ружья, сурово заявил:

– А ну говори – кто?! А то шас враз картечь через доску отправлю!

В ответ – не то мышинный писк, не то лёгкий стон телёнка. Прислушались, родственники поняли, что плачет ребенок. Послышался робкий, захлёбывающийся слезами голосок:

– Не стреляйте, дядечка... Откройте, ради Христа! Это я...

– Кто это ты? – уже мягче переспросил Степан.

– Маша.

– Какая такая Маша? – переглянулись отец и сын. – Ты одна?

– Одна я... с собакой.

Степан передал Никифору ружьё, закрыл в пригон собак. Никифор Иванович открыл ворота:

– От-те раз!.. Ты чья же енто такая будешь? Что же это ты по ночам блудишь? А не ты ли сегодня нам в тайге встретила? Уж не Михаила ли Прохорова дочка?

За вопросами и ответами все трое прошли в ограду. Степан запустил Разбоя. Никифор Иванович взял девочку на руки, поднялся на крыльцо. К тому времени, встав с постели, Матрёна Захаровна зажгла ещё одну керосиновую лампу, увидев Машу, всплеснула руками:

– Бат-тюшки святы! Это чья же ты будешь? Откуда на ночь глядя? Да как же так по такой дороге? А коли медведь встретится?

Маша начала свой грустный до слез рассказ. К тому времени на кухне собрались почти все Мельниковы: жена Степана Анастасия, старшая дочь Анна, младший сын Владимир. Последней, сгорбившись, вышла девятилетняя мать Никифора Ивановича, бабка Глафира. Для полного состава семьи не хватало детей, которые в это время крепко спали.

Машу усадили за стол, напоили молоком, дали свежего хлеба. Нахмурившись, домочадцы слушали историю девочки, убежавшей от тяжёлой жизни из собственного дома. Они хорошо знали Михаила Прохорова, который часто приезжал на мельницу по каким-то делам, и то, что его прошлым летом посадили на пять лет, для них не стало новостью. Сегодня днём к ним тоже приезжал отряд подразверстки, который выгреб последний урожай зерновых. Хорошо, что Никифора Ивановича предупредил племянник из района, и он успел с сынами спрятать в тайге значительную часть муки, пшеницы и ржи, которой хватит семье до весны. Однако никто из Мельниковых не был уверен, что завтра братья Бродниковы не сошлют их на север. Времена настали тяжелые. Недовольных и неугодных Советам выселяют туда, где Макар телят не пас.

Знали Мельниковы историю Михаила Прохорова. А вот об отношении Натальи Потехиной к Машеньке слышали впервые.

– Да как так?! Да не может быть! Да неужели... Наталья может такое сделать! – не верили женщины.

– Уж ты... курва! Смотри, какая змеюка оказалась... А ить была такая ласковая да покладистая, – хмурили брови мужики. – И что, хлеб, который мы тебе давали, отобрала?!

– Что же ей врать-то? Смотри, какая голодная! – заступалась за Машеньку Матрёна Захаровна. – А синяки-то, синяки! – показывала на руки девочки. – Будто оглоблей мякину отбивали! Разве можно так с ребёнком поступать?!

– Ладно уж, будя! – сказал хозяин дома, увидев, как слипаются глаза у гости. – Ночь поздняя. Спать пора, – и обратился к женщинам: – С кем ей ложиться?

– Дык, со мной, одначесь, за печку! Куда же боле с грязными ногами? – настаивала бабка Глафира. – Утром будем разбираться, как да что. А сейчас так, на мешковину клади её... там не замёрзнет!

Девочка провалилась в глубокий сон, едва её голова коснулась подушки. Мельниковы разошлись по своим местам. Матрёна Захаровна, перед тем как лечь, перекрестилась в угол на образа, задула керосинку, прошла к кровати. Ей с невесткой Настей рано вставать, но после случившегося женщина не может уснуть, негромко переговаривается с мужем:

– Да как же такое может быть-то? Да неужели? Вот те и Наталья!..

– Спи уж... – недовольно буркнул Никифор Иванович на супругу, после чего в доме воцарилась тишина.

Седое утро Мельниковых началось с обычных забот. Первыми проснулись женщины: доить коров, греть мужчинам завтрак. За Матрёной Захаровной, Анной и Настей поднялась бабка Глафира. Помолившись на иконы, она пошла за водой. Пока ходила с вёдрами на ручей, в доме произошли перемены.

Вернулась бабка, посмотрела за печку, а Машеньки нет! Засуетилась Глафира, туда-сюда забегала. Нет ночной гостьи! Пропала! Как потом оказалось, не пропала, а пошла в стайку, чтобы помочь доить коров. Едва уселись Матрёна Захаровна с ведром под кормилицу, а за спиной, как у синички, голосок:

– Тёточка! Давайте я вам помогу!..

От неожиданности женщина едва не выронила ведро:

– Ты коровку, деточка, доить умеешь?!

– Умею, тёточка!

– А ну, покажи, как ты это делаешь!

Девочка присела с подойником, потянула за соски. И правда умеет! Матрёна всё же забрала подойник, отстранила Машу.

Свекровь и невестка выгнали скот на луга, вернувшись, начали цедить молоко. Маша проворно помогает, моет пустые вёдра. Потом пошла во двор за дровами, растопила летнюю печь, нагрела воды, навела порядок на кухне. Женщины с удивлением смотрят: кроха, едва над веником видно, а в руках любая работа кипит!

– А сколько же тебе лет-то, деточка? – поинтересовалась бабка Глафира.

– Не знаю, бабушка. Когда тятя был, говорил, что мне шесть годиков. А сейчас тяти нет, так и не знаю... – просто ответила та, помогая собирать на стол.

Женщины переглянулись между собой, перекрестились. Михаила Прохорова посадили год назад. Значит, сейчас его дочурке семь лет.

На печи запарилась вкусная овсяная каша с мясом. По берестяным кружкам разлито тёплое, парное молоко. Ржаной хлеб – вволю, кто сколько захочет. В глиняных чашках сметана и сливочное масло. У хороших хозяев еда на первом месте! А как иначе? Не полопаешь, не потопашь!

Мельниковы собрались на завтрак. Во главе стола – Никифор Иванович. По правую руку – Матрёна Захаровна, бабушка Глафира, дочь Анна, невестка Анастасия. С левой стороны сели сыновья Степан и Владимир. За ними заняли лавку дети Степана и Насти: семилетний Ваня, пятилетний Максим и трёхлетний Витя. Потом дети Анны: тринадцатилетняя Таня и девятилетняя Катя. Каждый знал своё место. Машу посадили в торец стола, напротив Никифора. После короткой заутрени все молча приступили к завтраку.

Удивлённые неожиданным появлением девочки, дети осматривали гостью. Спросить о чём-то за столом во время трапезы они не имели права. Мельниковы жили по строгим законам, по православным обычаям.

Новое утро окропило холодными слезами росы пожухлую траву. Чистое солнце над распадом стянуло с мельничного пруда одеяло тумана. Вершины хвойных деревьев проткнули линию горизонта острыми, древнерыцарскими пиками. Первый иней посеребрил покатые горы. Покраснели, словно смущённые невесты, кудрявые рябины, пожелтели медовыми сотами стройные берёзки. В Гремучую долину пришла осень.

На стеклянной поверхности пруда плавают раздобревшие крякаши. Старая мать-утка готовит выросших утят к перелёту. Семь окрепших тугими крыльями детёнышей под командой сердобольной мамы взлетают, набирая высоту, делают над прудом несколько кругов и опять падают на воду.

Много лет семья кряковых уток гнездится в прибрежных камышах мельничного пруда. Завидное постоянство определено спокойной и сытной жизнью. Не трогают Мельниковы диких уток, наоборот, охраняют. Еды и так хватает. Этим пользуется кряква, выращивая в одном гнезде по восемь – десять утят. Так происходит из года в год.

Нарядный селезень-отец живёт по соседству. Испытывая гордость за потомство, ревнивый папаша показательно ворчит на уток, предупреждает об опасности. Если же он молчит – значит, нечего бояться.

Сегодня утром на пруду всё как обычно. Срываются с водной глади и падают назад дикие утки. Свист крыльев и кряканье разносится далеко вокруг. Сородичам по перу вторят домашние водоплавающие птицы. На угорье бряцают боталами дойные коровы. На лугу пасётся лошадь. Сзывая к себе куриц, горланит пёстрый петух. В глубине двора звенят цепями сторожевые собаки. Хлопают входные двери дома. Тут и там слышны голоса людей. На мельничной заимке начался обычный, трудовой день.

Большое хозяйство у Мельниковых. Добротный, двухэтажный, крытый железом кедровый дом может вместить в себя на постоянное проживание двадцать человек. Длинные амбары под муку и зерно, просторная конюшня на десять лошадей, стайка для коров и бычков, столлярная мастерская, небольшая кузница, скорняжный цех – всё говорит о том, что здесь живут хорошие хозяева. Все помещения и пристройки сделаны прочно, на века, с заботой о будущем поколении, которое будет нести с поднятой головой уважаемую фамилию знаменитых предков-переселенцев.

Давно пришли Мельниковы в Сибирь. Чуть более ста лет прошло с тех пор, как бежали от кабалы да крепостного права два брата с женами. Как-то обосновавшись на новых землях, они с горем пополам перезимовали до весны в утлой землянке, а по лету, к осени, срубили первый тёплый дом. Недостатка в лесе, земле, воде и воле не было. Бери, сколько хочешь! Делай что хочешь! Никто тебе не указ.

За несколько лет обжились братья основательно. Тайгу под поля да покосы раскорчевали. Построили амбары и теплые пригоны. Скот развели, зажили сытно. А только думку свою ни на миг не оставляли. Каждый день мечтой жили – соорудить свою водяную мельницу, наподобие той, что была у помещика Скороходова в Самарской губернии. Для этой цели изначально избрали место на некотором удалении от деревни по Гремучему ключу, который должен был своим течением крутить мельничное колесо.

Не сразу всё легко далось. Много лет прошло, пока пруд засыпали земляным отвалом, подвели воду, соорудили колесо, вытесали из камней жернова. Лишь на девятый год после переселения братья получили первую муку, благодаря чему приобрели известность в качестве первых мельников на всю округу. На этом и фамилию за собой закрепили – Мельниковы.

Три поколения с тех пор сменилось. Те уважаемые переселенцы, братья Иван и Захар, деды Никифора Ивановича, похоронены на пригорке за прудом. За сто лет на фамильном кладбище набралось двадцать три креста.

Целый век с ближайшей округи к знаменитой семье крестьяне везли молоть зерно на муку. Никому мельники не отказывали, свою работу выполняли качественно. Ни один человек в обиде не остался. Крестьянин Гордеев, смеясь в бороду, спрашивал:

– Что ж то вы, Никифор Иванович, за пуд отжабленной муки две копейки берёте?! Ныне купец Коробков из Минусинска пятак с мужика требует!

– А мне много не надо, – спокойно отвечает старший Мельников. – Что с простого мужика драть? У купца Коробкова оборот большой, пароход свой, дом в Петербурге каменный. Ему надо хозяйство содержать. А что до меня, так лишь бы керосин был и масло в передаче, чтобы жернова крутились.

И крутились жернова водяной мельницы у потомков крепостных переселенцев Мельниковых сто лет! Кто знает, сколько бы так продолжалось, если бы в государстве Российском

смута не образовалась. Жили не тужили! Никому не мешали, ни у кого не просили. Воровать не ходили, убийцами не были. Однако в одночасье в глаза новой власти в немилость попали, потому что досыта ели и ни в чём не нуждались.

Сидят мужчины после завтрака на лавочке у пруда, любуются, как дикий селезень пёрышки чистит. Молчит Никифор Иванович. Молчат Степан и Владимир, стараясь не мешать отцу. Погожий день несёт угоду в работе, пшеница колосится. Тугая рожь к земле клонится. Два больших поля на угорье с хлебами стоят, пора убирать. Время позволяет, возможность есть. Да руки у мужиков не поднимаются. Зачем запрягать лошадь в косилку, жать колосья, молотить и веять зерно, молотить его в муку, если завтра всё отберут?!

Не понимают они политики наступившей жизни. Не желают понимать. Всё, к чему стремились, трудом да горбом наживали, новая власть отбирает. И кто её представители?! Ванька да Петька Бродниковы? Из года в год они в работники нанимались и слёзно просили:

– Дядя Никифор! Возьмите нас! Хорошо работать будем!

Никто из деревенских мужиков не хотел брать таких помощников, потому как слыли парни изрядными лодырями и ворами. Каждому хозяину чем-нибудь убыток принесли. У Мельниковых тоже проблемы из-за них был каждый год. Один раз скирду с сеном на двадцать возов сожгли от самокрутки. В другой год Ванька на мельнице на подаче стоял, зерно в жернова засыпал, уснул на тёплых мешках, проворонил время. От холостого оборота и перегрева нижний жернов лопнул на четыре части, пришлось новый из камня вырезать, на что ушло много времени, сил и средств.

А как муку воровали и по ручью плавил? Додумались наглецы мешки с мукой с мельницы в воду бросать. Мука легкая, не тонет. Сверху мокрой коркой возьмется, а внутри остаётся сухая. Бросит Ванька в Гремучий ручей мешок с мукой, тот плывёт вниз по течению. А там, возле деревни, его караулит Петька. Выловит, пересыплет в кустах и вечером домой тащит. Сколько мешков уплыло, Мельниковым остаётся только догадываться.

Когда поймали на «моком деле», Никифор Иванович поклялся больше никогда не брать их в работники, но другой весной нарушил своё обещание. Добрый и быстро отходчивый характер у хозяина мельницы. Жалко бедолаг, думал, пропадут без его помощи. Однако не пропали.

Перемена власти сделала бездельников героями. В избёнке с прогнившей крышей – две чурки для сидения, нары на двоих, на столе железная чашка. Если кто-нибудь увидит, в каких условиях жили лодыри, не поверят: разве можно так существовать?

Утвердилась советская власть в Сибири. Колчака расстреляли, Соловьева поймали. Объявились братья Бродниковы, сразу к уездному комиссару Глухарёву пришли:

– Сергей Григорьевич! Желаем у вас служить! Так сказать, по своему идейному соображению.

Обрадовался Глухарёв, причислил добровольцев к народной милиции, полномочными в подтаёжной Казырской зоне. Прошлых заслуг и характеристик у молодцев комиссар не спрашивал, и так видно бедноту да ущемлённых жизнью. Это и была его ошибка. Стоило Сергею Григорьевичу знать, где были братья Бродниковы, когда власть устанавливалась.

Изначально парни показались в своей деревне. На второй день явились на мельницу. Никифор Иванович не сразу узнал в представителях новой власти своих бывших работников. Сапоги новые, яловые, форменная одежда с иголочки, на шапках звёздочки красные, на поясах револьверы, по карабину через спину перекинута. Кони под Бродниковыми играют сытые, холёные, сильные. Подъехали братья к воротам, не слезая с коней, сапогами в доски ударили:

– Открывай, кулацкое отродье! Власть переменялась!

Степан открыл ворота. Те въехали, привязали лошадей, без приглашения прошли в дом, сели за стол, достали какие-то бумаги. Бабка Глафира не ожидала такой наглости и хотела проучить незваных гостей кочергой, но Володька не дал. Ванька пригрозил бабке револьвером:

– Но, ты у меня тут ещё!.. Обрыдь, старая телега. Я при сполнении, враз пулькой прошью...

Петька долго смотрел на листы, пытаясь понять, что в них написано. Выручила грамотная Настя, прочитала «приговор», в котором говорилось, что излишества крестьянского хозяйства необходимо изъять в пользу народа.

– А потому, как мы и есть народ, – ударил по столу кулаком Ванька, – то излишки эти изымать будем мы! И не дальше, как сейчас!

– Какие такие излишки?! Ты что, Ванька, кальсоны из крапивы надел? Как же так? – вскочил со стула Никифор Иванович с округлившимися глазами. Однако тот его не стал слушать.

– А вон какие! – Ванька махнул рукой за окно. – Мельница у вас!.. Поля!.. Анбары зерном забиты!.. Кони, коровы... А люди во всей России нужду имеют!..

Никто из добросовестной семьи не ожидал подобного. Ванька Бродников, которого они каждый год подкармливали из жалости, считает чужое добро! И кто только научил такому?! Сколько помнят его, он, кроме «Подайте ради Христа!» с протянутой рукой, ничего больше вышептать не мог!

– А ты мне помогал её строить, мельницу-то?! – оперился чёрным коршуном Никифор. – Да ты... да я тя... – с раскрытыми руками пошёл на него хозяин дома. – Задушу гадёныша!

– Но-но! Осади, простофиля!.. – подскочил с табурета Петька на защиту брата и, не раздумывая, бахнул из револьвера в сторону. Попал в образа, в центр иконы Божьей Матери.

Так и упала семья на колени, охваченная ужасом от совершённого поступка. Осквернен святой образ, который достался от дедов. Во времена переселения в Сибирь икона помогала в пути. Осквернить её было всё равно, что извести весь род.

Петька перекосясь от неожиданности, понял, что перегнул палку. Стараясь избежать расправы, непутевые братья с выставленным против своих кормильцев оружием быстро покинули дом, вскочили на коней и погнали прочь с мельничного двора.

Женщины в страхе перекрестились, мужики, выбежав в ограду, сыпали на их головы угрозы:

– Да утопить надо было ещё в тот раз, как кутят, когда с мешками поймали! – махал кулаками Никифор Иванович. – Сейчас бы меньше горя было! Вот сукины дети! Жалел! Кормил! Одевал! А они ишь чё удумали?! В икону из револьвера бахнул! Зерно выгрести! Да я вам!.. Да я им!..

– А кони-то под ними... славные кони! Одначесь, Михаила Прохорова, – прищулив глаза, заметил Степан. – Никак у него отобрали.

– В следующий раз я им обоим морды набью! – хорохорился Володька. – Пускал я им кровь на мельнице и сейчас кулаки почешу! Пусть только явятся!

Братья Бродниковы своим появлением не заставили долго томиться жителей заимки. На следующий день на мельницу прибыл большой отряд красноармейцев во главе с комиссаром Глухарёвым. Ванька с Петькой тут же, танцуя в сёдлах, нарочно не спускались на землю, боясь, как бы братья Мельниковы шеи не свернули за вчерашнее. Глухарёв с порога сунул в лицо Мельниковым предписание:

– Продовольственная развёрстка! Излишки сельского хозяйства забирает новая власть!

Тут уж ничего не поделаешь. Много лет прошло после революции, многие пытались колесо истории повернуть, однако ничего не вышло. Если так и дальше будет продолжаться, купцам и промышленникам в России не место.

Получили Мельниковы предписание, опустили руки. Надо ворота амбара открывать. Ванька с Петькой тут как тут, лучше хозяев знают, где отборное зерно хранится, семена, мука высшего сорта. Никифор Иванович с сынами не успевают рот открывать от удивления и наг-

лости бывших работников, которые как у себя дома орудуют! Только дома у них пусто, как в крысиной норе, а тут, в амбарах, есть от чего глазам разбежаться.

Изъяла «власть» излишки, выгребла половину зерна с доброй партией муки так, что на десяти подводах все мешки уложить не смогли. Пришлось Мельниковым двух своих коней с телегами давать в помощь. Кроме расписки за изъятый фураж, они не увидели ни копейки, как и лошадей с телегами, что навсегда перешли на службу беспредельщиков.

С того дня Бродниковы посещали мельницу с завидным постоянством. Стоило Мельниковым мёд в бочонки собрать, муку перемолоть, зерно отвеять, как Ванька с Петькой стучатся в ворота, усмеваются:

– Открывай, Никифор, двери! Реквизиция пришла! Подавай нам мёд, сметану да мешочка два зерна. Если будешь нам перечить, морщить лоб или орать – враз получишь в сердце пулю! Старый хрыч, ядрёна мать!..

Кто придумал так скаладно – оставалось только догадываться, но на такое у братьев не хватило бы своего ума.

Всякий раз, отдавая долю заработанного честным трудом, Никифор Иванович напоминал братьям об их роковом поступке:

– А ведь накажет вас Бог за простреленную икону! Как есть накажет!.. – И крестился в небо.

– Что ты мелешь, старый пень?! Нет Бога! – укладывая на телегу бочонок с мёдом, скалил зубы Ванька. – И никогда не было! А ну, покажи, где он? Где? – подбоченился. – А хочешь, я ему свой зад покажу? – и, не дожидаясь ответа, снял штаны. – Во! Пусть смотрит!

Мужчина плюнул бесстыднику под ноги, женщины, ругаясь, отвернулись в сторону. А тот, довольный своей шуткой, гыкал.

Бабка Глафира не сдержалась, вступилась за своего покровителя:

– Бога хулить?! Задницу ему показывать?! Ах ты, ахмадей треклятый! – пошла на наглеца. – Да коли он тебя сейчас не наказывает, так я бадогом тебе спину расчесу!

Степан и Володька поспешили остановить разгневанную бабулю, которая плевалась в сторону Ваньки и насылала проклятия:

– Да будь ты трижды проклят! Тьфу на тебя, ирод окаянный! За икону нашу поруганную... За отношение к Всевышнему... За добро наше к тебе... Гореть тебе в аду вечным пламенем, а в оставшейся жизни – гнить колодой трухлявой до самой смерти в гонении, вдали от людей!

– Но ты, тухлая жаба! – подвязывая штаны, выкатил глаза Ванька. – Не тебе меня проклинать! Я сам хозяин и знаю, что меня ждёт! – наступая и грозя. – Будешь мне тут... да я тебя... – схватился за кобуру, вытащил револьвер, приставил ствол ко лбу Глафиры, – вот щас нажму на курок, и все мозги твои прокисшие вылетят! И ничего мне не будет!

Родственники постарались успокоить обоих. Степан потянул бабку в дом, Володька преградил Ваньке дорогу на крыльцо. Тот остановился, закрутился на месте, но сделать ничего не мог, противник был на полголовы выше, с огромными кулаками и широкими, налитыми плечами. Несмотря на то, что Ванька был старше молодого Мельникова на семь лет, он всё же боялся его, потому что был не раз бит им в недалёком прошлом, и хорошо помнил его крепкий удар.

– Уж вы мне!.. Да я вас всех!.. Знаете, что бывает за такое? Да за такое дело... – размахивая револьвером, не зная, как поступить в этой ситуации, орал злой Иван.

– И что бывает? – спокойно, с холодком в голосе спросил Володька.

– Да за такое дело – тюрьма! Да за такое дело – на север ссылают! – подскочил к Анне, схватил за рукав платья. – Или мне напомнить, кто твой муж? Как он с колчаковцами против красных бился? – Понизил голос: – Да стоит мне только Глухарёву сказать, как вы тутака белых укрывали, вам сразу прямая дорога...

Анна почернела. Правду Ванька говорит. Во времена смуты муж Анны Константин Сухо-руков воевал против советской власти.

– Что молчишь, белая стерва?! – скалится Ванька. – Речи лишилась? – И к Никифору Ивановичу:

– Может, напомнить, как вы зятя с товарищами подкармливали?!

Молчит Никифор Иванович. Страшные мысли в голове порхают: «Откуда Ванька всё знает?» Насторожились Мельниковы. Анна с опущенными руками слезами мочит лицо, Степан с Володькой между собой переглядываются, а Ванька с Петькой, почувствовав преимущество, продолжили со спокойным видом укладывать в телегу зерно, мёд, масло.

– И тако же мне! – погрузив добро, довольно усмехнулся Ванька, подсовывая Никифору к лицу кулак. – Пока я вашу тайну знаю – вот вы у меня где! И не смей мне боле проклятиями да Богом пугать. Я и без того пуганый.

Бродниковы уехали. Никифор Иванович тяжело вздыхал, угрюмо смотрел на домочадцев. Он понимал, что такие отношения добром не закончатся, но изменить что-то было невозможно. О примирении не шло речи, нет такой черты у Мельниковых – угождать и подхалимничать. Да и кому?!

После этого случая братья немного остыли, а может, это всего лишь показалось. Изредка посещая мельницу, они брали очередную дань «в фонд государства», выдавали какие-то расписки, но ссору не затевали, стараясь продлить своё безбедное существование как можно дольше.

Десять лет прошло с введения ВЦИК от 21 марта 1921 года декрета о продналоге взамен продразверстки, который взимался «в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учёта урожая, числа едоков в хозяйстве и наличия скота в нём. И устанавливался как прогрессивный налог, с усилением тяжести обложения для кулацкой части деревни. Хозяйства беднейших крестьян от продналога освобождались».

Всё это время Мельниковы исправно отдавали положенные пуды зерна и килограммы мяса. Самим на еду хватало. Может, всё ещё было бы не так плохо, можно было прожить большой семьей в достатке до весны, если бы не неожиданное появление отряда продовольственной развёрстки под началом комиссара Глухарёва. Ничего не объясняя, они реквизируют две трети запасов зерна и муки, оставленных на еду до следующего урожая.

Выписывая расписку, Глухарёв сурово молчал. На слёзы женщин и скупые вопросы мужчин о дальнейшем он не отвечал. Братья Бродниковы усмехались:

– Проживёте! На мельнице под полатами мучной пыли много... Да два поля на угорье не убраны.

Сидят отец и сыны Мельниковы у пруда, смотрят, как нарядный селезень перышки чистит. Как изменить сложившееся положение в лучшую сторону? Убрать два поля с пшеницей – заберут Ванька с Петькой, не убрать – пропадёт зерно. Куда ни кинь – всюду лапоть драный. Хорошо, что вчера рано на рассвете успели вывезти и спрятать в тайге шестьдесят пудов пшеницы и ржи с мукой. Если понемногу брать из тайника, можно как-то протянуть до созревания черемши.

Опустели амбары у Мельниковых. Никогда за всю жизнь такого не было! От восьми лошадей одна старая кобыла осталась. Сможет ли она за собой косилку тянуть, не сдохнет до конца уборки? Две коровенки на выпасах, а осенью Глухарёв грозился одну забрать. Как с одной зимовать, когда в семье есть маленькие дети?

– Так что же, сыны мои, делать будем? – нарушив тишину, с тоской в голосе проговорил Никифор Иванович. – Ехать в поле или забросить всё?

– Думаю, ехать надо, – глядя в землю, задумчиво ответил Степан. – Пшеница не виновата, что умеет расти.

– Столько трудов затрачено... – поддержал его Владимир. – Не убрать зерно – совесть потом не простит. Нельзя поле неубранным под снег оставить.

– А ну как к вечеру опять Бродниковы явятся, заберут всё? – прищурил глаза отец.

– Заберут. Так пусть, может, хоть народ попользуется. Слухи доходят, что голод страшный в России, – покачал головой старший сын.

– А что заберут, так нам... до весны того... что вчера увезли, хватит, – в свою очередь, дополнил младший, чем переполнил чашу весов.

– Что ж тогда, сыны мои? – поднимаясь с места, оставил за собой последнее слово Никифор Иванович. – Значит, в поле!

– Едем! Надо убирать зерно! – наперебой заговорили Степан и Владимир, следуя за отцом.

– Знать, так тому и быть! – склонив голову, чтобы сыны не видели его заблестевшие от накатившихся слёз глаза, подтвердил Никифор. – Я в вас никогда не сомневался!

Анна

Слёзы душат Анну, глаза полны тоски. Сеточка преждевременных морщинок соткала над щеками паутину переживаний, седой пепел потухшего костра осел на висках. Из скорой, с изящной походкой стройной девушки она превратилась в тихую страдальицу. Каждый, кто видит это со стороны, тяжело вздыхает:

– Изменилась наша Анна. Высохла, постарела... Да и как не постареть-то в одиноком томлении?

Кажется, прошло не так много времени с тех пор, когда Анна была молодой и проворной, словно ручеёк, общительной и чистой душой, как первый выпавший снег. Добрая, приветливая улыбка, открытый взгляд, простота в общении привлекали внимание любого, кто потом долго вспоминал юную красавицу с водяной мельницы.

У Анны не было подруг. Отдалённость заимки от деревни и постоянная занятость исключали общение с девочками её возраста, поэтому лучшими друзьями всегда оставались родственники. Чем реже она появлялась в обществе, тем больше возрастало удивление окружающих, замечающих, как из босоногой, угловатой девчушки Аня вдруг превратилась в очаровательную девушку.

Приезжавшие на помол зерна селяне довольно цокали языками:

– Хороша девка! На молоке рощена! Славная невеста вызрела!

Парни взволнованно стреляли глазами, теребили кудрявые волосы, искали встреч, но всегда получали отказ. Слишком пуглива и недоверчива была юная Аннушка, воспитанная в строгих законах семьи. Она не имела привычки противостоять воле родителей, поэтому безропотно приняла их решение выдать её замуж.

Многие побывали у Мельниковых, выпрашивая дочь в жёны тому или иному сыну. Никифор Иванович скромно отказал Семёну Глазырину, крупному в деревне зерноторговцу, просившего отдать Анну за сына, первого в кругу молодёжи того времени красавца и гармониста Артёма. Но отец не желал отдавать в руки ветреного человека самое дорогое. Он также отклонил предложение породниться со скотоводами Валуевыми, предлагавшими брачный союз с самоуверенным, властным потомком Андреем. Жестокий муж, от которого дочь всю жизнь будет ходить в синяках, не нужен. Много выгодных партий отстранил Никифор.

На подобную реакцию главы семьи люди крутили пальцами у виска. Матрёна Захаровна слезно укоряла мужа:

– Провыбираешь! Останется дочь старой девой!

Однако Никифор оставался равнодушен к женскому мнению. Все отказы были неспроста, он уже давно приметил в качестве жениха смышлёного, скромного Костю, младшего сына лесоторговца Григория Сухорукова.

Трудолюбивый парень давно привлёк внимание Никифора Ивановича. В то время как его братья или товарищи, завалившись в тени на траве, вели бесполезные разговоры, он молча подносил к жерновам мешки с зерном, внимательно следил за процессом перемола муки, с надлежащим уважением относился не только к своему родителю, но и всем окружающим.

Не красавец, среднего роста, крепыш Костя слыл обычным парнем, которому жизнь сшила крестьянский хомут труженика. Он был из тех, на кого девушки долго не засматриваются: с вытянутым лицом, оттопыренными ушами, слегка горбатым носом он чем-то походил на коршуна. И только искренность в глазах, добрая, приятная улыбка, отзывчивость располагали к общению, и люди с первого знакомства становились друзьями.

Неясен остальным выбор Никифора Ивановича, но решение главы семейства обсуждению не подлежало. Единственным препятствием для свадьбы служило время. Две зимы

томительного ожидания показались родственникам бесконечностью. Когда Косте исполнилось шестнадцать, Никифор объявил о своём намерении, все облегченно вздохнули:

– Уж лучше за Костю, чем вообще ни за кого!

Григорий Сухоруков был немало удивлён предложению Никифора породниться:

– У меня старший сын, ему двадцать один год, хорош собой! – говорил он. – Почему не с ним?!

– У него нос прямой, – хитро отвечал будущий тесть, на чём закончил разговор крепким рукопожатием.

Не раздумывая, Григорий согласился. Слишком хороша собой налившаяся соком зрелой малины, окрашенная красками бушующей весны, восемнадцатилетняя невестка!

Праздновали свадьбу на мельнице. Гостей собралось немного, всего около ста человек, каждый из которых так или иначе связан с друг другом родственными узами. Перед торжеством Никифор Иванович долго беседовал с Григорием Сухоруковым. Он предложил свату оставить молодых жить на мельнице:

– Дом огромный, места много! Да ты и сам пойми, у тебя ещё перед Костей три сына старших, хорошие помощники. А у меня Стёпка да Володька ещё растут, не скоро к делу подойдут. Мне тоже правая рука нужна, пусть молодые здесь побудут, а там видно будет!

Григорий раздумывал недолго, ведь и правда, тяжело товарищу одному с хозяйством справляться. Степану тогда было только тринадцать лет, Володьке ещё меньше. Согласился отпустить сына в дом невесты, но с одним условием:

– Только не насовсем! До тех пор, пока твои сыновья не вырастут. А потом я им возле себя новый дом построю!

С замужеством жизнь Анны обрела новый характер. Костя оказался добрым, внимательным, ласковым мужем. Несмотря на разницу в возрасте, молодые относились друг к другу с глубоким уважением. Костя обращался к Аннушке с любовью и нежностью, никогда не обидев её грубым словом.

Очень быстро Мельниковы привыкли к зятю. Матрёна Захаровна увидела в нём своего сына, Степан и Володька стали для него братьями. Никифор Иванович доверял ему во всем. Теперь никто не указывал на то, что у Кости маленький рост, горбатый нос. Мудрая пословица: не толкуй по лицу, принимай по уму – в очередной раз подтвердила справедливость сказанного изречения.

Анна окунулась в бездонный океан семейного счастья. Никогда до этого не знавшая прикосновения мужской руки, не слышавшая волнующих сознание нежных слов, девушка предавалась прекрасным чувствам. Она полюбила Костю каждой клеточкой своего трепетавшего тела, как и он любил свою красивую, преданную подругу. Как иголка и нитка, они всегда следовали друг за другом.

Недолго длилось счастье молодых. Когда Константину исполнилось девятнадцать лет, началась Первая мировая война. Улетел белый лебедь от своей лебёдушки, забрали Костю на долгие три года.

Вернулся он через три зимы живой и невредимый, но измученный, изможденный долгими, утомительными боями и вшивыми окопами. Казалось, что вернулось семейное счастье, но революция в Питере столкнула народ головами, не дав понять, кто и за что боролся. Снова забрали Костю сражаться, теперь уже не за царя, а за Отечество, в ряды белой армии. Оставил муж любимую с маленькой дочкой, недавно родившейся крохой Танечкой. И лишь редкие весточки, что передавали знакомые, давали семье Мельниковых надежду, что Костя жив.

Появился Константин летом двадцать второго года. Но не днём, а поздней ночью, под покровом густой темноты, подкрался, как побитая собака, укравшая из коптильни свиной окорок.

Это случилось под осень, в последние дни августа, с первыми заморозками. Мельниковы проснулись от настойчивого лая дворовых псов. Никифор Иванович вышел к воротам, и сразу не узнал зятя: уставший, измученный, осунувшийся, похудевший до костей, он походил на загнанного мерина, проскакавшего через всю Россию без еды и отдыха.

– Бог мой! – крестился Никифор. – Костя... ты ли это? Да на кого ж ты похож?

– Я, батя... я это, – глухо ответил Костя и первым делом спросил: – Одни дома? Красные бывают?

– Откуда ж ты, сынок?!

– Не спрашивай, отец. Последние два месяца голодом, без сна от Красноярска мимо кордонов пробираемся. Сколько раз отбивались... Взвод солдат потеряли. Сами удивляемся, как живы остались.

После недолгих объяснений парень обратился в темноту, негромко позвав кого-то. Через некоторое время послышался топот конских копыт, и в открытые ворота мельничного двора въехали уставшие всадники. Следом, тяжело переваливаясь с боку на бок, поскрипывая на кочках, вкатились две тачанки.

Два офицера средних чинов, ещё два поручика, остальные – рядовые, стрелки и пулемётчики. Жалкие остатки большого полка армии генерала Колчака, разбитого большевиками под Красноярском.

Для Мельниковых их появление было полной неожиданностью. В то суровое лето двадцать второго года увидеть воинов белой армии казалось невероятным и практически невозможным. Многие разобщённые отряды белой армии были вытеснены на восток или разбежались по тайге. Другие перешли на сторону народного ополчения и разошлись по домам. Третьи были просто убиты в жестоких схватках. Кончились времена, когда мужики в серых погонах спокойно разъезжали по деревням и весям, собирая в свои ряды молодых парней. Прошёл год после того, как на мельницу в последний раз приезжали продовольственные отряды колчаковцев, после этого здесь часто гостили верховые с красными ленточками на шапках, грозившие за укрывательство белых расстрелом.

Что будет, если на заимку нагрянут большевики? Страх за семью не давал покоя, однако не принять родного зятя, мужа и отца с попавшими в беду товарищами Мельниковы не могли. Они впустили отряд.

Тачанки с пулемётами спрятали, укрыв их толстым слоем сена. Лошадей, с приставленными к ним двумя солдатами, угнали на дальний выпас, в тайгу. Офицеров приняли в доме, уступив место в большой комнате. Остальные расположились в амбаре. Кое-как определившись с имуществом, воины погрузились в глубокий сон, изредка просыпаясь лишь для того, чтобы поесть.

Так продолжалось трое суток. Опасаясь внезапного появления красных, дорогу к мельнице поочерёдно охраняли Степан и Владимир. Женщины готовили еду, стирали и подшивали солдатам изношенную одежду. Стараясь не шуметь, дети всё это время жили в летней кухне. Ссылаясь на неисправность в рабочем механизме, Никифор Иванович не запускал мельницу, отказывая селянам в перемоле зерна.

Всё это время Анна находилась рядом с Костей. Она снова чувствовала себя счастливой. Прижимаясь к нему ночами, а потом, оставляя его на короткое время, женщина плакала. Она смотрела на любимого мужа и не узнавала: рёбра вздувались, а тело словно высохло. Что произошло с ним и его товарищами, оставалось предполагать, а о том, что ждёт их впереди, заставляло стонать от горя.

На четвёртый день полковник Мохов собрал подчинённых в амбаре, о чём-то долго беседовал. Не в приказном порядке, а от души, по-человечески. Никто из Мельниковых не слышал их, но очевидно, что разговор шёл о дальнейших действиях отряда.

– Что же теперь-то, Костенька? – в тревоге спрашивала Анна у мужа.

– Не могу сказать, моя Аннушка, – крепко прижимая к себе любимую, отвечал тот. – Это не моя тайна.

– Война-то кончилась! Большевики прочно власть взяли, хватит воевать! За все годы нашей жизни три годочка вместе были всего. Дочка растёт, отца не видит. Может, останешься дома?!

– А как же они? – указал на товарищей Костя. – Не могу я их сейчас бросить. Мы столько пережили: под пулями сутками лежали, в болоте мёрзли, под шинелькой одной спали, котелок каши на всех делили. – И обещал: – Подожди немного, моя Аннушка! Определится всё, тогда вернусь, заживём долго и счастливо!

Она крепко прижималась к его груди, представляя, как хороша будет жизнь, когда вернётся её надежда и опора.

Солдаты отдыхали. Крепкий сон, сытная пища придавали им силы. В глазах появился живой блеск, щёки порозовели, всё чаще проскальзывали шутки и смех. Для поддержания общей дисциплины полковник Мохов выставил караул, проверил форму и оружие, но более ничем не утруждал. Для полного восстановления сил солдат и лошадей требовалось ещё какое-то время, которого у маленького отряда совсем не оставалось.

В продолжительных разговорах с хозяином мельницы полковник часто интересовался ведением сельского хозяйства. Никифор Иванович удивлялся: зачем полковому офицеру знать, как крестьяне-сибиряки хранят зерно, мясо, мёд или хозяйственную утварь? Неужели он тоже собирается этим заниматься?!

Не собирался полковник Василий Николаевич записываться в крестьяне. Будучи офицером в третьем поколении, он думал о другом. Даже сейчас, гонимый и разбитый, он жил верой в торжество завтрашнего дня, был уверен в неизбежном возвращении старого режима и поэтому желал сохранить до лучших времен святыню: полковое знамя и часть архивных документов.

Больше всего полковника заинтересовал сибирский способ хранения мяса в любое время года. Не скрывая удивления, он просил Никифора ещё раз более подробно описать кустарный метод консервации. Чувствуя к себе внимание и глубокое уважение, хозяин мельницы охотно рассказывал простую технологию:

– А вот как есть, так и делаем! Укладываем свежее мясо большими кусками прямо в кадку и густо обмазываем его мёдом. Как наполнится бочка, тут же её плотно запечатываем, чтобы ни вода, ни воздух не попали, а после спускаем в пруд, в проточную воду. Когда надо, достаём и едим.

– Едите?! – удивленно вскидывал пушистые брови полковник.

– Едим, – утвердительно кивнул головой Никифор Иванович.

– И что-с? Каково качество продукта?

– Качество? Мясо наисвежайшее! Будто вчера бычка закололи!

– Вот как? – верил и не верил полковник. – И вода не проникает?

– Как можно? Все крышки засмоленные...

– И что-с, так-с сказать, долго храните?

– Сколько угодно, – уверенно ответил хозяин мельницы. – Хоть до весны, хоть до лета! Да вот же, – показал на чугунок на печи, – как есть, после вашего прибытия кадку из воды вытащили, мёд обмыли – и в котёл. Разве припахивает?!

– Нет-с... – задумчиво ответил Мохов и в волнении заходил взад-вперёд. Очевидно, его беспокоили проблемы, о которых он не мог пока рассказать, поэтому продолжал беседу:

– А могут ли бочки пролежать запечатанными... ну-с, скажем, несколько лет?

– Ну, уж тут точно сказать не могу! – пожал плечами мельник, причёсывая пятернёй затылок. – Мы, одначесь, год храним, к осени подъедаем, потом опять новое забиваем. Ну, были случаи, что по три-четыре зимы кадки хранились. А вот у деда Валуева запасы лет десять держались, – усмехнулся. – Сам видел и ел говядину. Забил старый бычка, уплотнил мясом

три бочонка и спустил в воду. Два нашёл, а третий нет. Думал, украли, но нет! Оказалось, бочонок водой с якоря сорвало и в яму унесло, дальше да глубже, замыло песком. Дед потом его там обнаружил, когда в речке сети ставил. И удивлялся, не понимая, откуда его бочонок тут взялся?! А потом вспомнил, как его десять лет назад потерял! – засмеялся и уточнил: – Да, так оно и есть! Лет девять-десять припасы хранились, и хоть бы что, не испортились!

– А что в меду можно ещё хранить?

– Ещё что? – Никифор опять почесал затылок, подумал. – Насчёт других продуктов не знаю, не пробовал. А вот мясо так и сохраняем.

– А почему получается так долго хранить? – после некоторой паузы поинтересовался Мохов.

– Как же! – развёл руками мельник. – Мёд, он, уважаемый, свойство значимое имеет, – поднял кверху указательный палец. – Воздух не пропускает. А вода проточная свежесть даёт, продукт не успевает застаиваться.

– А дерево? Что в данном случае происходит с деревом?

– С каким деревом? – не понял Никифор.

– С бочками... Ведь они же из дерева сделаны.

– Вон вы о чём, ваше высокоблагородие!.. – засмеялся мельник. – О дереве сказ особый. Вы правильно заметили, что кадки из дерева, а дерево в воде трухнет. Только главного не поняли!

– Что же тут главное?

– А то! Что кадки те у нас из лиственницы сбиты! А лиственница в воде – всё равно, что калёное железо. От проточной воды только крепче и прочнее становится. Когда у деда Валуева кадку с мёдом из реки вытащили, стенки нисколько не сгнили, будто вчера сделаны были! Он до сих пор в ту кадку мясо закладывает. Так что, думаю, ваше высокоблагородие, кадка с мясом в речке может сто лет пролежать, и ничего ей не сделается!

– Ну, надеюсь, сто лет нам не надо... – в раздумье произнёс полковник и замолчал.

– Что вы сказали?! – не понял Никифор, но собеседник перевёл разговор на другую тему.

После этого разговора Мохов надолго ушёл в свою комнату, много курил, что-то обдумывая, не спал до глубокой ночи. А рано утром призвал подчинённых. Собравшись вместе, офицеры о чём-то долго, негромко разговаривали. Вероятно, обсуждали какой-то план, о котором было известно лишь узкому кругу посвящённых. Сойдясь в едином мнении, они пригласили к себе Никифора и высказали свою просьбу.

– А что, уважаемый хозяин, много ли у вас мёда? – начал свой разговор издалека Мохов, загадочно улыбаясь. – Мы, так-с сказать... полакомиться хотим!

– Мёду? – удивился Никифор. – Полакомиться? – обиделся, развёл руками. – Что же вы, господа хорошие, мы вас плохо потчует? На столах полные туеса последнего сбора стоят: ешь – не хочу! Куда ж ещё?

– Что вы, Никифор Иванович! – поспешил оправдаться полковник. – Мёда для еды нам с избытком хватает. И продуктами, питанием вы нас обеспечили в достатке. Об этом мы, уважаемый хозяин, никогда не забудем! Я не о том. Я хочу попросить вас о большем! Ну, к примеру, скажем, о двух-трёх пудах... Соответственно, за указанную вами плату.

– Обижаете... – поднимаясь с табурета, ответил Никифор. – Какая плата? Да у нас... в схроне в пещерке спрятано немного. Я вам и так дам столько, сколько надо! Если нужно всё – отдам всё. Кушайте на здоровье! Потому как вы нашего Кости верные соратники и друзья, много горя вместе хлебнули... Для вас нам ничего не жалко!

– Спасибо! – протягивая ему руку для пожатия, ответил полковник Мохов. – Только вот... – многозначительно посмотрел на подчинённых, – не для еды нам мёд нужен.

– А для чего же?

Выдерживая паузу, полковник подошёл к окну, посмотрел на улицу, опасаясь лишних ушей, закурил и, понизив голос, едва слышно, продолжил:

– Не время, Никифор Иванович, нам у вас на мельнице засиживаться, на вас беду кликать и самим под пули вставать. Рано или поздно большевики доберутся сюда, обнаружат нас. Ничего хорошего из этого не выйдет: погибнут люди, и на вас крест поставят, поэтому мы решили отсюда уходить.

– Куда же это? Кругом красные! Вы сюда и так едва добрались, где же вам место будет?

– За кордон пойдём. Через Саяны, в Монголию, а дальше – в Китай, – сухо отрезал полковник. – Большая часть наших оставшихся сил переместилась именно туда. Думаю, и нам надо выдвигаться для объединения с нашими войсками, чтобы там, определившись, вновь вернуться назад...

Бедный, наивный полковник Мохов! Даже после жестокого поражения и скитаний он ещё на что-то надеялся. Верил, что вернётся монархия, на трон вновь воссядет царь-батюшка, установятся старые порядки. Не знал отважный полководец, что в Китай бежали лишь жалкие единицы колчаковского войска, в основном офицеры белой армии, а подавляющая масса брошенных отцами-командирами солдат перешла на сторону большевиков и вернулась к мирной жизни. Некому и не из кого было формировать соединения для триумфального возвращения из-за границы и схватки с отрядами Красной армии. Солдат нет, оружия нет. Антанта не поможет. Да и сама участь отряда незавидна и предрешена.

Знали или нет об этом остальные? Неизвестно. Солдаты и офицеры были преданны своему командиру, верили и о другом не помышляли.

– ...а поэтому, – продолжал Мохов, – я прошу вас посодествовать в нашем деле.

– В каком таком деле?!

– Нам надо сохранить некоторые... так-с сказать... ценности. Два пулемёта, боезапас, а также... полковое знамя и архивные документы. Для этого надо шесть бочек необходимой длины и объёма, а также нужное количество мёда для консервации. Думаю, в нашем случае можно применить ваш способ хранения.

– Пулемёты и бумаги?! – удивился Никифор. – Что же вы, господа хорошие, я ведь могу оружие и документы сохранить так, в доме. У меня есть такие потайные места, что ни одна крыса не залезет!

– Нет-с, уважаемый Никифор Иванович. Мы понимаем вашу заботу, но ваше предложение никак не годится.

– Почему?

– Все ваши тайники находятся в доме или амбаре. Так?

– Ну... предположим.

– А дерево, смею заметить, имеет способность к полному уничтожению огнем.

– Вы хотите сказать...

– Да. Я могу предположить, что может случиться пожар. Времена грядут тяжёлые, а в воде вероятность сохранности имущества более высока. Думаю, на будущий год кадки мы вытащим и вернём их в первоначальном виде, – договорил полковник Мохов, присаживаясь рядом на свободный стул.

– Может, оно и правильно вы говорите... – после некоторого раздумья произнёс Никифор. – С мёдом целее будет, только вот зачем шесть кадушек? Два пулемёта с патронами и бумагами можно заполнить в две бочки. Зачем же ещё четыре?!

– Бумаг много... – поле некоторого замешательства ответил командир, окинув тяжёлым взглядом подчинённых.

– Что же, думаю, кадки найдём! Каждую зиму по две новых делаю лично, так что запас имеется. К какому сроку надо подготовить тару?

– А вот прямо сейчас и готовьте!

– Прямо сейчас? Так быстро?!

– Да. Нам медлить нельзя. Думаю, на днях нам надо отсюда уходить.

Собравшиеся перешли в амбар. Никифор выставил кадки, с двумя солдатами достал из погреба бочку с мёдом. Полковник приказал разобрать пулемёты, подготовить к консервации. Офицеры паковали в кожаные сумы документы, полковое знамя, пропитав прочные швы горячим воском. Когда груз был готов к укладке, командир попросил посторонних удалиться из амбара, сославшись на секретность проводимой операции. Немного обиженный недоверием, Никифор с сынами Степаном и Владимиром ушли. К вечеру кадки были полностью запечатаны, крышки забиты, швы пролиты смолой.

Глубокой ночью, под покровом темноты, офицеры и солдаты доставили шесть бочек к мельничному пруду, утопили их в указанном Никифором месте. Хозяин усадьбы хотел привязать к бочкам груз, как он это делал всегда, чтобы их не унесло течением. Солдаты усмехнулись, отказавшись от предложения, посчитав, что припасы имеют и без того достаточный вес, каждую тару перекатывали по три человека.

После всего Мохов приказал разобрать и сжечь тачанки и ящики из-под патронов, уничтожить все следы пребывания на мельнице. Единственное, что удалось выпросить хозяину дома для нужд, – колёса от тачанок.

Весь следующий день отряд собирался в дорогу. Офицеры и солдаты готовили упряжь, оружие, продукты. Последняя ночь перед выходом оказалась коротка, как догорающий свечной огарок. Задолго до рассвета, простившись с гостеприимными хозяевами, выразив благодарность за оказанный приют, маленький отряд из девяти человек под началом полковника Мохова вышел в путь. Впереди их ждали долгие километры трудного, опасного перехода в чужую страну. Впереди была неизвестность.

Ушёл Костя с отрядом. Через положенный срок у Анны родилась вторая дочка – Катюшка.

Вовремя ушли моховцы. Не успело утреннее солнце окрасить противоположные вершины гор, мельницу окружила красная сотня. Кто и когда доложил большевикам о белых, неизвестно. Живой лавиной налетели красноезвездные конники, мгновенно окружили имение, жажнули дружным залпом из карабинов и винтовок над крышами:

– А ну, выходи, ваше высокоблагородие, коли смерти не хочешь!

Мельниковы в страхе распахнули ворота, впустили прибывших во двор, сами сгрудились у забора. Комиссары произвели тщательный обыск, проверили каждый угол, но ничего не обнаружили.

Искали везде: в погребе, в амбарах, под мельницей, на крышах дома и построек, в стогах сена. Досадный конфуз смешивался с удивлением. Вероятно, до этого момента большевики были твёрдо убеждены в том, что здесь скрываются белые. Анна случайно услышала разговор двух командиров, беседующих за забором.

– Как такое может случиться? Точно знаем, что тут были... Точно говорю, доверенный правду сказал, сюда с грузом проследовали...

– Где же они? Что, на крыльях улетели?! Куда могли деваться две тачанки с двумя центнерами?.. Что, в кислоте растворились? А правда ли доверенный говорит, что сюда поехали? Может, мы ищем их здесь, а они в другом районе?..

– Вроде правду, никогда не обманывал! Да точно! Сюда направлялись неделю назад. А может... и не сюда...

– Ты, Михрютин, как веретено! На одном месте не поймает. Ты уж соберись как-нибудь, давай точные данные, а то снимаем сотню солдат с боевых позиций, гоним неизвестно куда, неизвестно за кем, а тут никого нет, кроме кулаков...

– Были же, товарищ Нагорный! Как есть говорю – были белые! – захлёбывался словами Михрютин, однако доказать ничего не мог.

– Тогда где они? Или хотя бы покажи следы, направление, куда они ушли, – сердился командир сотни.

...Девять лет прошло с тех пор, как моховцы ушли с мельницы. Восемь зим прогорели сырыми, тлеющими дровами в печи. Каждый день похож на пихтовую лучину, которая сыплет искрами, толком не горит, но и не гаснет. Все глаза просмотрела Анна в сторону таёжных перевалов, ожидая своего верного, милого дружка. Где же Костя? Почему не возвращается? Вернётся ли...

О многом думала Анна. Успел или нет Костя с товарищами перейти через Саяны? А вдруг наткнулись на красный кордон и всех убили? А если ушли, то почему не возвращаются? Как там ему живётся, в далёкой и чужой стране?..

Некому рассказать женщине о пропавшем отряде, никто теперь не ходит через перевалы за кордон. А если и ходят, боятся словом обмолвиться. С приходом советской власти границы закрыты, за незаконный переход в Туву, Монголию или обратно – расстрел на месте. Проводников, водивших до революции купцов-спиртоносов по тайным тропам, посадили в тюрьмы на долгие годы. Кто успел скрыться в тайге – отсиживаются, не показывая носа к людям.

Выходит Аннушка вечерами на берег пруда, долго смотрит на воду. Кажется ей, что на другом берегу видит свою недалекую старость. Куда исчезла бывшая сила и резвость? Сознание точит неугомонный червь: «Эх, Костя-Костенька! Где же ты, прекрасный лебедь? Вернёшься ли назад к милой лебедушке? Прикоснёшься ли своими ласковыми перьями-крылами к преданной подруженьке?»

Нет ответа, как нет приветов. Да и будет ли – неизвестно. Однако она будет ждать мужа столько, сколько на это потребуется времени. Пусть до самой старости, до гробовой доски. Иначе и быть не может.

Один день Мельниковых

Сначала дети относились к Маше с осторожностью. Люди из деревень на мельницу приезжают часто, но редко берут с собой ребятишек, оставляя их работать по дому. Круг общения таких детей ограничен, и появление незнакомой девочки вызвало у них нескрываемый интерес. Взрослые не мешали, давая возможность получше познакомиться друг с другом, и лишь изредка сближая общим делом:

– Кто поможет мне воду в кадку натаскать? – с улыбкой спросила Анна, и тут же все шестеро проявили желание.

– Я!.. Я помогу!.. Я!.. И я! – наперебой закричали все сразу.

Детвора быстро расхватила деревянные, лёгкие, изготовленные дедом Никифором специально по возрасту каждого, ведёрки, и наперегонки поспешили к мельничному ручью. Ведерок хватило всем.

Подобно муравьям, опережая друг друга, помощники очень скоро наполнили кадку в доме, принесли воды в баню, летнюю кухню, на мельницу, в пригон для скота. Когда все ёмкости были заполнены, Глафира, нарочито охая и пригибаясь, начала складывать дрова в поленницу. Дети тут же ринулись ей помогать, таскать поленья из большой кучи под крышу.

Дело спорилось! Помощники охотно выполняли работу, прабабушка едва успевала показывать, как нужно правильно укладывать дрова. Когда поленница выросла до пояса, она специально присела на чурку, а ученики принялись за дело самостоятельно, снизу доверху аккуратно выкладывая новые, ровные ряды берёзовых дров. Вскоре рядом с первой поленницей выросла ещё одна, пусть немного кривая и пузатая, перед ней – третья.

Глафира не забыла вспомнить:

– А вот мы-то, когда я махонькая, как Миксимка, была, с братом Захаром в тайге дрова пилили, а потом на коне сюда возили. Вот какие мы раньше были! С малых лет к труду приучены!

– Мы тоже пилить чурки умеем! – воскликнул Ваня. – И на коне ездить умеем! У нас только Витя на коне не умеет ездить.

– А меня тятя скоро учить будет! – обиженно насупилсся малыш, пуская слезу. – И дрова пилить буду!

– Не плачь, Витя! – поспешила успокоить его Маша. – Мы тебя все вместе научим! Будешь с нами дрова пилить, на коне ездить. Я тоже ездить не умела, когда маленькая была, а потом научилась! Научим, не бойся! Так же, ребята?!

Все согласно закивали головами, принимая слова Маши на веру. Это единодушное вызвало у прабабушки немалое удивление: как быстро, незаметно Маша заслужила уважение её правнуков? Как будто она жила на мельнице и общалась с ними со дня своего рождения.

Игрушек у ребятишек Мельниковых было немного. У девочек несколько самодельных, сшитых из старых тряпок, набитых соломой, кукол. У мальчиков талиновые (ивовые) палки, заменявшие им сабли и ружья, деревянные тележки да набитый песком бычий желудок – далёкое подобие мяча. Для игр у них было не так много времени, большую часть дня занимала работа. Но всё же случались минуты, когда дружная, шумная ватага торопилась на мельничный пруд.

Там, привязанный к мостику старой пеньковой верёвкой, стоял большой плот: длинный, широкий, он мог вместить и держать на плаву всю компанию. Дружно забравшись на него, дети брали в руки палки-шесты и отправлялись в недалекое путешествие. Водное средство передвижения было одним из самых ценных развлечений молодого поколения Мельниковых. Большую часть свободного времени летом они проводили на водной глади, гоняя от одного берега к другому и обратно воображаемый быстроходный корабль.

Добравшись до берега, дети окружили плот. Тане захотелось прокатить Машу одной, но Ваня выхватил шест, считая право первого заплыва своим. Разгорелся спор, в котором никто не хотел уступать друг другу. Несмотря на то, что брат был младше на пять лет, он вырос крепышом, не уступавшим в силе сёстрам. Но Таня оказалась хитрее. Ей не пришлось долго уговаривать сродного брата:

– Ваня! Давай мы сейчас с Машей Витю один кружочек прокатим, а потом вы с Катей и Максимкой целый день, до вечера будете плавать!

Ваня согласился. Ему не хотелось водиться с непоседливым Витей, который то и дело норовил нырнуть с плота. Лучше плыть с Максимом, который всегда его слушается, а тихоня Катя вообще считает его самым главным капитаном на плоту.

Таня и Маша усадили Витю посреди плота, наказав не шевелиться. Сами взяли в руки шесты и, оттолкнувшись от берега, поплыли на середину пруда.

Мельничный пруд – искусственный водоём около ста пятидесяти саженей в длину и около сотни в ширину. Перегороженный руками человека, таёжный Гремучий ключ имел достаточный запас воды, чтобы своим давлением вращать мельничное колесо, прочный деревянный привод и каменные жернова.

Построенная в первой половине девятнадцатого века братьями-переселенцами Иваном и Захаром без единого гвоздя, мельница служила роду много лет. За всё время использования у неё не случилось поломок, не считая случая с Ванькой Бродниковым, который проспал засыпку зерна. Сделанная одними топорами, со дня создания и до настоящего времени, она воплощала искусное творение гидросооружения, которому позавидует любой инженер. Прочное колесо под напором воды вращало мощный привод, который через угловые передачи трёх деревянных редукторов крутил трёхсоткилограммовый верхний жернов. Своевременная смазка шестерёнок с запасом выдерживала продолжительную работу вращательного движения, за один день перемалывая до пятидесяти центнеров зерна в муку. Смазкой им служило обычное сливочное масло с добавлением дёгтя. Контрольный шлюз регулировал уровень воды в пруду в разное время года. Поднимая и опуская, Мельниковы сбрасывали его до необходимого уровня весной в половодье и поднимали до нужной отметки осенью. Рядом с колесом находился плавный, пологий желоб для прохода рыбы, которая могла беспрепятственно подниматься вверх по течению на нерест, и скатываться вниз после размножения. Кто видел рукотворное детище Мельниковых впервые, удивлялся:

– Как такое можно соорудить здесь, в Сибири? Неужели мельнице сто лет?..

Приятно плавать на плоту по тихой поверхности пруда. Для Маши это было первое подобное путешествие. Её отец Михаил когда-то имел деревянную лодку-долбленку, любил рыбачить. Маша мечтала отправиться с отцом, но, опасаясь бурного течения, Михаил ни разу не решился взять дочь с собой.

Первые минуты девочке было немного страшно. Большой плот плавно покачивался из стороны в сторону, вокруг – тёмная вода. Крепко уцепившись руками за брёвна, Маша присела на корточки, в испуге осматриваясь по сторонам. Таня улыбалась, уверенно правила шестом, покрикивала на непослушного Витю. Нисколько не пугаясь водного пространства, карапуз бежал с одного края плота на другой, пытаясь рассмотреть дно. Вглядываясь в черноту, ложился на бревно. Не слушаясь свою няньку, прыгал и кричал.

Машенька встала на ноги, шагнула, потом, немного освоившись, взяла в руки вторую палку, принялась помогать Тане. Изначально тяжёлый шест мешал удержать равновесие, тянул в сторону. Девочка качалась, опять приседала на корточки, но тут же вставала, пробовала толкать плот снова и снова. С каждым взмахом её движения становились увереннее. Тяжёлый «корабль» начал послушно поворачиваться и двигаться в нужном направлении.

В тёмно-зеленой, полупрозрачной воде немного просматривалось рельефное дно. В водорослях, пугаясь тени наплывающего судна, метались небольшие стайки серебристых рыбок. Таня равнодушно отмахивалась рукой:

– Мелюзга. Ёршики да окуньки. Таких дед Никифор не ловит. Самая крупная рыба там, – указала рукой на тальниковые заросли вдоль противоположного берега. – Там такие шуки живут! – развела руки шире плеч, округлила глаза. – Больше этого плота!

– Больше этого плота?! – испугалась Маша. – Разве такие бывают? А они могут на человека напасть?

– На человека не нападают, – успокоила Таня. – Они его боятся. А вот утят глотают, когда они ещё совсем маленькие.

Маша удивлённо посмотрела на подругу, перевела взгляд на густые ольховые заросли вдоль берега, где плавали стайкой дикие утки, успокоилась: если утки целые, значит, и ей нечего бояться.

Девочки осторожно погнали плот к противоположному берегу. По мере удаления от мостков вода приобретала тёмно-синий оттенок, затем чёрный. Ближе к середине водоёма дно уже не просматривалось. Проплыв какое-то расстояние, Таня предложила убрать шесты, лечь на бревна к краю плота, цыкнула на Витю:

– Тихо, не шуми! Сейчас шуку смотреть будем!

Все трое легли рядом, молча наблюдая за непроглядной гладью. Лёгкий ветерок и небольшая скорость потащили плот в сторону заросшего берега. Таня улыбнулась Маше, негромко предупредила:

– Там шуки и прячутся!

Вскоре глубина стала просматриваться, и наконец они увидели большую стаю жирных окуней. Затмевая дно полосатыми телами, рыбы грелись в лучах солнца. Их было так много, что Маша изумленно ахнула. Таня приложила палец к губам. Витя тоже увидел окуней, захлопал ладошками по воде, радостно закричал:

– Иба! Иба!..

Испугавшись движений и шума, стая метнулась в сторону. Маша с досадой посмотрела на спутницу. Та, приструнив беспокойного братца, опять приложила палец к губам:

– Не шумите. Вдруг ещё кого-нибудь увидим.

Поплыли дальше. Кроме мелких, прошлогодних ельчиков и небольших карасиков, лениво поедавших донную траву, в воде никого не наблюдалось.

Первых шуков дети увидели недалеко от берега. Затаившись в траве около густых прибрежных зарослей тальника, две зубастые хищницы лениво нежились на отмели, своим обликом напоминая длинные, толстые поленья. Рыбины стояли недалеко друг от друга, на видимом расстоянии. Оттого, что они не производили никаких движений, казались мёртвыми. Может, их и можно было считать таковыми, если бы не блеск чёрных глаз, внимательно контролировавших пространство вокруг. Увеличенные водой, они походили на чудовищ из старой, страшной сказки.

Маше стало не по себе. Ей показалось, что шуки могут броситься на них, схватить, укунить и даже утащить за собой. Девочка отпрянула от воды, потянула за собой Витю. Таня засмеялась:

– Не бойся! Они не кусаются! Они нас сами боятся, – и указала пальцем в воду: – Смотри! Они уплывают.

Маша робко заглянула за брёвна. Действительно, до этого спокойные, рыбины, испугавшись движений, развернулись и исчезли в мутной завесе. Витя захныкал:

– Хочу ибу! Хочу ибу!..

– Не плачь! – оборвала его Таня. – Сейчас ещё увидим. – И Маше: – только больше не делай резких движений.

Все трое снова легли на бревна. Медленно гонимый лёгким ветерком, плот поплыл к краю заводи. В густых зарослях донника мирно плавали серебристые мальки, небольшие стайки сорожек¹ и карасей. Иногда на глаза попадались более крупные окуни, но щук уже видно не было. Таня встала, осторожно подтолкнула плот шестом к глубине, снова опустилась к воде, улыбнулась:

– Всё равно увидим. Они там!..

Она не договорила, молча показала на тёмные предметы впереди:

– Вон они!

Маша посмотрела туда, куда указала Таня, и увидела нечто большое, похожее на огромных рыб. Шесть водных обитателей, не слишком длинных, но толстых и пузатых, как поросята. Дети затаили дыхание, ожидая увидеть страшных щук, но разочаровались, когда рассмотрели обыкновенные бочки.

– Что это? – спросила Маша. – Это не щуки вовсе, а бочки какие-то.

– Да это, наверно, дедушка Никифор мясо хранит, – равнодушно ответила Таня. – Он всегда так делает. Сначала мясо в меду в бочках топят, а потом достаёт.

– А-а-а... – разочарованно ответила Машенька. – Я думала, что это рыба.

Гонимые течением, они всё-таки увидели зубастых хищниц. Три обитательницы подводного мира стояли над самым дном, друг за другом, едва различимые в заводи. Одна из них была особенно большой, в два раза толще и длиннее, чем остальные. «Это хозяйка всего пруда!» – так решила и объяснила Таня.

Их ждали, торопили. Обманутый Ваня от нетерпения бегал по берегу, кричал, топал ногами, бросал в воду камни, стараясь обрызгать девчонок водой, кричал на сестру:

– Ничего себе один кружочек катаётся! Скоро целых три круга по пруду проплывёте! Танька – обмануха! Ну, только причаль, я тебе все косы обрежу!

Сестра не обращала внимания на его угрозы. Может, она продолжала бы катать Машу до вечера, если бы не мать:

– Таня! Доча! Идите, деду и дядькам обед унесите! – позвала с берега Анна.

Девочки взяли в руки шесты, направили самодельное судно к берегу. Там их поджидал рассерженный Ваня. Едва они причалили к мостику, он тут же отобрал у сестры шест и, не говоря ни слова, поплыл на середину пруда. Обещанное обрезание кос он решил оставить на вечер. Брат был доволен, что девчонкам предстояло идти в поле без него. Катя, Максимка и непоседа Витя пошли вслед за Таней и Машей.

Разобрав берестяные торбочки с горячей пищей, дети дружно зашагали по просёлочной дороге. Таня несла борщ, Катя взяла кашу с мясом, Маше достались молоко и хлеб. Максимка нёс посуду, а Витя, забегая вперёд, показывал дорогу. Дед Никифор, желая сделать более удобной доставку еды на луга, специально для внуков соорудил маленькие, двухслойные торбочки. Плотные крышки исключали выплёскивание горячей пищи, между слоями берёсты были напрессованы сухие опилки. По своей сути изобретение напоминало термос: еда долгое время оставалась горячей.

Когда-то давно, обживая эти земли, предки предусмотрели все, что было необходимо для благополучной крестьянской жизни. Усадьба и мельница стояли рядом с прудом, огороды и пасека расположились на солнечной стороне за домом. Зерновые поля начинались за поскотиной. Граница покосов находилась за полями у леса, на подножиях гор.

Никифор Иванович всегда вспоминал своих предков добрым словом: всё в хозяйстве под рукой, только не ленись, работай! Трудно представить, каким трудом и настойчивостью переселенцам стоило отвоевать у глухой, дикой тайги благодатное место. Как тяжело им было валить вековые деревья, корчевать и распахивать десятины плодородной земли, очищать поле

¹ Сорожка (сорога) – вид плотвы, плотва обыкновенная.

от сорняков и охранять наделы от дикого зверя. За век добросовестной работы Мельниковым удалось создать крепкое крестьянское хозяйство. Они могли легко прожить одни, не нуждаясь в помощи, долгие годы. Теперь, с пришедшей переменой власти, всё оказалось на краю бездонной пропасти.

Соединяющая усадьбу с полями и покосами дорожка проходила по краю смешанного леса. Ездить на лошадях и ходить по посевам строго возбранялось. В подтаёжной зоне и так мало места под солнцем для зерновых. Топтать хлеб – это всё равно, что выбрасывать его на помойку.

Стараясь не опрокинуть торбочки, ребята добрались до хлебобобов. Никифор с сынами заканчивали очередной загон. Старший Мельников на косилке, управляя лошастью, хмуро оглядывался назад, Степан и Владимир подгребали скошенную пшеницу в полосу. Увидев детей, все трое остановились, направились в тень огромной ели на краю поля. Здесь располагался летний стан. Обед был как раз кстати, мужчины сильно проголодались. Усевшись по кругу, они перекрестились, не забыв о младших:

– Вы обедали? – спросил Никифор всех и, получив отрицательный ответ, указал на места рядом: – Садитесь, ешьте. Здесь всем хватит.

Дети принесли столько еды, что можно было накормить десять человек. Женщины знают, что такое работа на свежем воздухе, поэтому всегда накладывают с запасом. Пусть лучше останется, чем не хватит.

Обед семьи в поле всегда проходил по известному правилу от начала до конца – с аккуратного розлива борща по берестяным чашкам до разламывания горбушки хлеба руками. Этот процесс передался от дальних предков, сохранил в себе многолетние традиции: садись, где стоишь, бери столько, чтобы съесть всё, не бросай недоеденный хлеб и благодари Бога за пищу. В этом смысл жизни: работать, принимать пищу и отдыхать так, как этому научила природа. Это есть истоки духа, силы, настойчивости и терпения сибиряков.

В обычное время обед взрослых с детьми доставлял удовольствие, но сегодня в глазах Мельниковых-старших отражались напряжение и тревога. Битва за урожай не несёт радость. Сколько потрачено сил, времени, а скошено всего два гектара пшеницы. Что можно накосить на одной старой, измученной, уставшей лошади? Если убирать поле такими темпами, добрая часть хлебов уйдёт по снег.

Помнят Мельниковы прошлые годы уборки. Кажется, совсем недавно, несколько лет назад, на этом поле шумели пароконные косилки. Повсюду слышались голоса, смех и песни. Будто грибы после дождя на глазах росли мохнатые снопы скошенной пшеницы. Одна за другой тянулись к усадьбе повозки с урожаем. Не умолкая, грохотала молотилка. От силы две недели длилась страда.

Кончилось всё разом. Отобрали большевики лошадей, коров, забрали семена. Не идут теперь к Мельниковым работники, говорят, времена не те. Раньше от Бродниковых, Захаровых и других отбоя не было. Как утро наступает, в ворота стучат:

– Дядька Никифор! Возьми!

Никому Никифор не отказывал, за работу платил хорошо. Некоторые этим пользовались, не пахали и не сеяли. Зачем, если у дядьки Никифора с запасом пожить можно?

Теперь всё изменилось. Вместо серпов и вил взяли Бродниковы и Захаровы пистолеты и карабины, пришли на мельницу, выгребли всё из амбаров, насмехаясь: «Кончилась, дядька Никифор, твоя власть! Теперь мы тутаква главные!» Мельников не понимал: «Раз ты хозяин, власть сменилась, так и паши поле, сей пшеницу, когда надо!»

Но никто не пришел весной обрабатывать землю. Некому. А вот за зерном в очередной раз объявились. Где правда? И что это за власть такая народная: сытым быть, лопатой не копать?!

Не хотел Никифор Иванович в этом году все поля сеять, но землю жалко, пропадёт без рук крестьянских, через год сорняками и подростом покроется! Перепахивать заново очень тяжело.

Смотрит Никифор на итог своих трудов, комок к горлу подкатывается, сердце от безысходности стонет. Нет, не убрать всё до Покрова. А что уберётся, то всё равно большевики отнимут. Но оставлять это нельзя! Иначе не простит себе он упущенное время и пропавший урожай, загрызёт совесть, жестокая тоска выпьет соки разума. Человек жив трудом своим. Без деяний и удовлетворения от проделанной работы он бесполезная пылинка на большой дороге вечности.

Кончился обед. Никифор махнул головой Владимиру: пора! Сын поднялся с земли, взял в руки приставленный к ели длинный, тонкий шест с яркой, пёстрой тряпкой на конце. Принялся махать им, давая в сторону усадьбы знак. Его заметили. От дома отделились четыре фигурки: три больших, одна маленькая.

Ваня опередил женщин, прибежал первым. Очень скоро за ним подошли Матрёна Захаровна, Анна и Анастасия. Глафира осталась на усадьбе.

Все принялись за работу. Каждый знал свои обязанности. Никифор продолжил косить. Степан и Владимир подгребали сжатую пшеницу в ровные ряды, женщины связывали пшеницу в снопы, а дети помогали всем, чем могли.

Несложно собирать скошенные колосья в тугие, высокие снопы, но ответственно. Дело требует бережного обращения. Главное, чтобы из колосьев не осыпались зерна.

Среди детей снова возникло соревнование: кто больше, быстрее, с меньшими потерями зерна поднесёт взрослым охапок пшеницы. В этот день Маша впервые собирала урожай зерновых. Матрёна Захаровна показала, как правильно работать:

– Не торопись, Машенька! Бери меньше, укладывай бережно, подноси осторожно, – погладила её по голове, – и всё у тебя получится, детонька!

Девочка послушно начала делать так, как показала добрая наставница. С каждым новым пучком у неё получалось всё лучше: колосья не ломались, зерна осыпалось меньше. Наконец она выполняла работу не хуже других. Женщины с улыбкой переглядывались между собой: хорошая помощница!

Весь день, до заката солнца, пока от вечерней росы не отволгла земля, дети трудились наравне со взрослыми. Никто из них не отказался от обязанностей раньше положенного времени, не сказал слова против. Работали без отдыха. Не покладая рук, не разгибая спины. Максимка и Витя бегали между тугими снопами, собирали в торбочки осыпавшуюся пшеницу. Они собрали столько зёрен, что хватило бы на десять пышных буханок хлеба.

К вечеру, когда намокшая от росы пшеница мялась в косилке, Никифор Иванович остановил лошадь:

– Всё! Хватит на сегодня!

Оставляя работу, люди уставшим взглядом осматривали плоды своего труда: небольшой участок убранного поля с ровными рядами тугих снопов – итог тяжелых усилий. Много или мало – знают натруженные руки и занемевшая спина.

Возвращались Мельниковы домой уставшие, но довольные. Впереди стайкой бежали ребятишки. За ними, негромко напевая песню, шли женщины. Сзади, обсуждая планы завтрашнего дня, неторопливо брели Степан и Владимир. Никифор Иванович, замыкая шествие, вёл понурую лошадь.

Тихий, по-осеннему прохладный вечер, холодил ветерком. Желтый, словно цвет дозревшей пшеницы, закат готовил горы к наступающей ночи. Наносился в пологий увал запах скошенных хлебов, сухость пожелтевших листьев, запахи смолы и сочной хвои. Где-то впереди шумел Гремучий ключ, шлёпало об воду мельничное колесо. И была в этом вечере незримая

атмосфера торжества, которое может наступить только от полного удовлетворения проделанной работы.

Неподалеку от дома, разговаривая о детях, Степан и Владимир замедлили шаг, подождали отца:

– А дочка-то Михаила Прохорова ничего, шустрая, работающая, – заметил Степан.

– Это так, есть жилка трудовая, – согласился Никифор Иванович, – вся в отца.

– Что делать-то с ней? Как быть?! – спросил Владимир.

– Что делать? – не сразу понял сына отец.

– Домой вернуть или у нас оставить?

– Да куда ж её возвращать-то? Если мачеха изгаляется, бьёт, кусок хлеба не дает? Её верни – опять та же картина будет. Не дай бог, забудут девчонку до смерти. Думаю, пусть у нас поживёт. Хлеба всем хватит, не объест! – сказал своё слово Никифор и дополнил: – Пока Михаил не вернётся. А там видно будет. Что Бог даст! – перекрестился. – Может, и самим тут жизни не будет.

Все замолчали, нахмутив брови. Говорить было не о чем. Вечер не знает, что скажет утро.

В эту ночь Маша спала на втором этаже, с девочками. Запрыгивая на верхний ярус, она прихватила с собой кошечку Мурку, любимицу Вани. Он нашел её, когда бегал в деревню. Кто-то выбросил слепых котят в надежде, что те погибнут сами. Из всех беспомощных комочков она одна осталась жива. Мальчик подобрал её, выходил и всегда, когда подворачивался любой удобный случай, находился с ней.

Зазывая Мурку и не находя её, Ваня залез к девочкам, нашёл под боком у Маши. Возникла небольшая ссора. Девочка не отпускала кошку, а настырный парнишка вырывал любимицу из рук. В итоге кошка поцарапала обоим руки и убежала на первый этаж. Маша заплакала от боли, а Ваня, сначала желавший наказать ее, вдруг пожалел, погладил по голове и стал успокаивать:

– Не плачь! Давай теперь будем спать с ней по очереди. Одну ночь ты, другую я, хорошо?

Маша, успокаиваясь, согласно кивнула. А потом, когда он слез вниз, шепнула на ухо Кате:

– Хороший он у вас, Ванечка. Добрый!

Последний медосбор

Пасека Мельниковых находилась в огороде, на пологом пригорке. Десять ульев занимали небольшую полянку рядом с посаженной картошкой, перед гречишным полем и сенокосными лугами. Обилие густых трав с посадкой всевозможных лесных цветов, любимая пчелами гречиха в разное время сезона дают богатый медовый сбор. Трудлюбивые пчёлы приносят столько полезной сладости, что хватает на весь год, вплоть до нового медосбора.

Заниматься пчеловодством переселенцы начали сразу, когда пришли на эти земли. Бывали годы, когда на пасеке стояло до пятидесяти ульев, однако опыт подтверждал, что наиболее верным будет решение держать пасеку, ограничившись десятью семьями. Мельница, земледелие и скотоводство занимали много времени. Крепкое хозяйство нуждалось в физической силе, поэтому работа с пчёлами считалась не главным промыслом. В разные годы пчеловодом становился самый старый человек в семье, который не мог ходить в поле или подавать зерно в мельничные жернова. Последние восемь лет, после смерти мужа Ивана Ерофеевича, хозяйкой на пасеке осталась бабушка Глафира.

С раннего утра до позднего вечера старушка занималась непростым делом. Несмотря на свой возраст, девяностолетняя Глафира была полна сил. Она находилась в добром здравии, но стало подводить зрение. Это доставляло ряд неудобств. Бабушка не могла вдеть нитку в иголку, давно отложила в сторону вязальные спицы, путала обувь или могла резать хлеб тупой стороной ножа.

В противоположность бытовым неурядицам Глафира удивительно хорошо справлялась с пчёлами. Не было случая, чтобы она не смогла закрыть или открыть пчелиную летку, оставить насекомых без воды или неправильно посадить рамку в улей. Она могла безошибочно отличить сытую пчелу от голодной, на слух определить, куда именно летит полосатая труженица: на пасеку или на луга. Также Глафира хорошо предсказывала погоду: как долго продлится дождь или жара и что за этим последует. При этом женщина тяжело вздыхала, страдальчески оценивая наступившие годы:

– Стара я, однако, становлюсь! Совсем к работе непригодна стала, – и начинала вспоминать: – А вот, помню, лет двадцать назад, молодая была, шустрая! Всё видела и знала...

Что было с ней двадцать лет назад, Мельниковы слышали много раз. Подобные воспоминания всплывали в голове мудрой бабушки едва ли не каждый вечер. Её никто не перебивал: пусть говорит, и мы такие же будем. Родственники радовались, что к таким уважаемым годам Глафира не только полностью себя обслуживает, но и несёт достаток в дом. А достаток, следует заметить, был ощутимый. Старушка исправно вела «медовое хозяйство», ежегодно нагоняя с каждого улья до двух пудов меда.

Глафира одновременно являлась и добрым учителем для молодого поколения. Кто-то из детей всегда следовал за ней по пятам, был рядом, когда она, с дымокуром в руках, проверяла ульи. Для правнуков у неё всегда находился сладкий кусочек мёда в сотах, так как сахар в доме являлся редкостью. Поедая любимое лакомство, ребятишки с интересом слушали рассказы о том, как живут пчёлки, собирают нектар, работают на благо человека, сколько раз за день могут слетать на луг и обратно, в какой срок наполняют мёдом ячейку.

Подобные уроки не оставались без результата. Старшие дети: Таня, Катя и Ваня, знали о нелегком промысле многое, научились отличать трутней от рабочих пчёл, убрать лишних маток или поймать разделившийся рой. Дети могли заменить прабабушку Глафиру на пасеке, но она не разрешала:

– Рано вам ишшо! Успеете за свою жисть наработаться! Вот помру, тогда и передам вам своих пчёл. А покамест вот вам по кусочку сот, да смотрите, как я делаю. – И тяжело вздыхала: – Будете потом меня добром вспоминать.

Дети не задумывались над её словами, они не могли представить своей жизни без неё, верили, что она будет жить всегда. Подобно тому, как крутится мельничное колесо, никто не обращает внимания на шум воды. Кажется, что оно будет крутиться завтра, послезавтра, через год, через много лет.

Маша тоже побывала на пасеке, попробовала вкус свежего меда в сотах. Это случилось на следующий день после того, как она работала в поле.

Привычно проснувшись рано утром, девочка не смогла заснуть снова. Поднявшись вслед за женщинами быстро оделась, умылась, пошла за Анной и Анастасией в стайку, помогать доить коров. Анна отправила девочку обратно, в дом:

– Нечего с малых лет руки надсаживать! Успеешь ещё!

Маша подошла к Матрёне Захаровне:

– Бабушка Мотя! Давайте чем могу помогу!

– Уж ты, помощница! В кого же ты такая непоседа? – ласково отвечала та, прикасаясь к голове девочки ладонью. – Ну, помоги, коли хочешь. Посуду на стол поставь.

Что ни делает Машенька – всё у неё получается. Она быстро расставила на столе тарелки, кружки, ложки. В раковину налила воды, повесила чистое полотенце. Вон уже мужики стали с постелей подниматься. Девочка и им готова услужить: Никифору Ивановичу сапоги подала. Степану – рубаху, Владимир не успел на двор сходить, а его постель прибрана, одеяло заправлено, подушки взбиты. Прабабушке Глафире помогла платок повязать, посох в руки сунула. Мельниковы между собой переглядываются, девочке спасибо говорят:

– Какая проворная!

Позавтракала дружная семья, собралась на работу. Утреннее солнце просушило росу, так что пора убирать хлеба, снопы на молотилку возить. Время не терпит. Что не сделаешь сегодня, завтрашний день не догонит! Маша хотела идти вместе со всеми на поле, но Никифор Иванович её остановил:

– А ты, Маша, дома побудь. Бабушке Глафире на пасеке помоги. Трудно ей одной крышки с ульев поднимать, вдвоём всё сподручней.

Пасечница довольна, нравится ей проворная Машенька. Первым делом, старая и малая в доме порядок навели и только потом принялись разводить старый дымокур, слепленный из глины и обожжённый на огне, похожий на ночной горшок. Сбоку прибора закреплена деревянная ручка, чтобы не обжечься. Снизу горшка плотное дно, чтобы не попадал воздух, сверху, в крышке, дырки для выхода дыма.

Подожгла старушка берёсту, положила её в горшочек, набросала сухих лучинок. Когда огонь разгорелся, бабушка насыпала в горшок мелко натёртых гнилушек. Из-под крышки повалил густой, едкий дым. Тлеющие опилки без доступа воздуха будут чадить весь день. Если подсыпать ещё пару горстей, вечером хватит подоить коров, отгоняя в стайке надоедливую гнус-мошку.

Заправила мудрая хозяйка дымокур, пошла через огород по тропинке к ульям. Маша робко последовала за ней:

– А пчёлки не кусают?

– Что ты, милая! – улыбнулась та. – Ты руками не маши, громко не говори. А боле всего, не бойся. Сядет пчёлка на руку или лицо, не прогоняй. Она чувствует, у кого в душе зло, того и кусает, а у кого добро – оберегает!

Они подошли к ульям. Рой встретил людей дружным жужжанием, однако тут же успокоился, почувствовав знакомый запах Глафиры. Некоторые из насекомых сели на девочку.

Маша – ни жива ни мертва! Смотрит, как пчелы облепили её рукава, ползают по сарафану, несколько пчёлок тычут запястья рук. Ещё одна тревожно щекочет щёку лапками. Девочка смотрит на бабушку наполненными страхом глазами: что делать? Та улыбается:

– Это они привыкают к тебе, обнюхивают, знакомятся.

Знакомство Маши с пчелами длилось недолго. Приняв в себя новый, незнакомый, но приятный запах девочки, маленькие труженицы полетели по своим делам. Глафира передала девочке дымокур, показала, как нагонять дым на улей, а сама начала осторожно поднимать крышку. Маша с любопытством заглянула внутрь домика. Женщина с улыбкой объясняла девочке сложную жизнь пчелиной семьи.

За разговорами и объяснениями незаметно летело время. Вот уже солнце припекло затылок старой пасечницы – обед. К этому времени она перенесла на медогонку десять рамок с тяжёлыми сотами, чтобы качать мёд. Осмотрев последний улей, Глафира улыбнулась:

– Одначесь, девонька моя, пойдём домой. Как покушаем – сразу на прокачку встанем.

– Как это, на прокачку? – не поняла Маша.

– А вот увидишь. Я буду рамки в барабан вставлять, а ты за ручку крутить. Мёд по стенкам бочки сам побежит!

– Может, бабушка, сейчас на прокачку встанем? – загорелась от нетерпения девочка, но та твердо заявила, что всему своё время!

Старая и малая прошли в дом, разогрели еду, распределили по торбочкам. С поля прибежали Таня и Ваня:

– Наши есть спрашивают!

– Если спрашивают, значит, всё готово! – охотно ответила Глафира, подавая посыльным полные торбочки с едой.

Пока бабушка собирала обед, дети обменялись несколькими фразами.

– Как пчёлки? Не кусают? – поинтересовалась Таня у Маши.

– Нет! – улыбнулась та. – Они меня полюбили! А сегодня пойдём на пруд шук смотреть?

– Не знаю, – пожала плечами Таня. – Как управимся... если успеем засветло, тогда покажемся на плоту, а нет, так до завтра, – и доложила Глафире: – Скоро дядя Степан с дядей Володей снопы привезут.

Недолго задержавшись, ребята поспешили обратно. Не любит Никифор Иванович, когда кто-то задерживается дольше положенного времени.

Отправив обед в поле, Глафира и Маша присели за стол сами. Быстро справившись с едой, они ополоснули посуду, вышли во двор. Бабушка цыкнула на собак:

– Да ну, вы! Разбrehались... Что ветер пугаете? – приложила сухую руку ко лбу, посмотрела на дорогу за мельницу. – Никого ить нет! Скоко можно гавкать?

Псы неохотно прекратили перебранку, однако ненадолго. Напрягая слух, безотрывно всматриваясь за мельницу, сторожи крутили носами, нюхали воздух. Всё их внимание было направлено на противоположную горку, в густой пихтач, за ручей. Длинные цепи не давали животным сорваться и убежать к тому месту, что вызывало у них интерес. Мельниковы держали собак на привязи, чтобы они не давили уток и куриц, вольно бродивших по ограде.

Подобная участь постигла Разбоя. При первом знакомстве собаки устроили между собой драку. Чтобы подобного не повторилось, Разбоя посадили на цепь возле стайки, пока тот не привыкнет к чужому дому, а собратья станут считать его своим. Прошло несколько дней, и остальные псы уже не злобились на него, а ночью вместе охраняли усадьбу и мельницу.

Едва Глафира вышла из ограды, вновь раздался тревожный лай. Старая пасечница вернулась, приложив руку ко лбу, защитив глаза от солнца, долго смотрела на пригорок, но так ничего и не увидела.

– Фу, ты, леший, – равнодушно махнула она рукой. – Может, медмедь бродит, али человек какой... Ну, пуцай бродит.

И повела Машу выгонять из рамок мёд.

Глафира поставила в барабан тяжёлые соты, закрыла бочку крышкой, показала Маше, как крутить ручку. Та старалась, долго и терпеливо, без отдыха. Глафира внимательно следила за процессом, собирая текущий мёд в берестяные туеса. Когда нужно, она останавливала девочку,

меняла рамки сторонами, вставляла новые, и опять просила помощницу вращать ручку барабана. Когда соты «высохли», женщина погладила девочку по голове, похвалила, дала ей чашку со свежим нектаром:

– Вот и славно мы с тобой сегодня поработали! Смотри, сколько мёду нагнали! – И лукаво пошутила: – Да разве я без твоей помощи смогла бы столько сделать?! Да ни в жисть!

– А вы, бабуля, меня всегда зовите мёд качать! – вылизывая языком прозрачную, золотистую сладкую массу, отвечала девочка. – Я безотказная, хучь какую работу смогу сделать, всегда помогу. Полы помыть, коровку доить, одежду постирать. А теперь вот мёд научилась гнать!

– Хорошо, детонька! Вижу, какая ты с малых лет работающая. И когда только всему научиться поспела?

– Не знаю. Я всегда так делала. Вторая мамка, Наталья, говорила, а я делала, – ответила Маша и вдруг опустила голову.

– Чевой-то? – встрепенулась Глафира. – Уж не обидела ли я тебя чем?

– Что вы, бабушка! – всхлипывая, проговорила девочка. – Никто меня не обидел! Просто... Егорку вспомнила. Он тоже мёд любит. Я ему на пальчике давала попробовать. Он сосёт и гулюкает, улыбается, ещё просит. Хороший Егорка!

– Егорка-то кто, братец твой младшенький?

– Да. Маленький он ещё совсем, ходить не может. Только ползает. А уж мёд любит! И молоко с хлебушком.

– Ну, будет тебе, детонька! – прижимая к себе, как могла, успокаивала Машу бабушка и пообещала: – Уж мы вот с тобой скоро пойдём в деревню и мёду возьмём с собой, подсластим твоего маленького братца!

Со стороны хлебного поля послышалось движение, редкие голоса. Собаки обратили туда свое внимание, закручивая хвосты в калачи, приветствовали хозяев. Степан и Владимир везли в телеге пшеничные снопы. Глафира и Маша поспешили навстречу, убрали жерди на поскотине, впустили возчиков в огород. Угрюмо приветствовав их, братья проехали мимо, свернули к молотилке.

– Что ребятишки невеселы? – чувствуя настроение внуков, спросила Глафира.

– Где уж тут весёлыми быть? – глухо отвечал Степан. – За день первую возку с хлебом делаем. Дай Бог к вечеру ещё одну набрать да привезти.

– На одной лошаденке много не наработаешь, – сухо вторил ему Владимир. На этом немногословное общение закончилось.

Глафира тяжело вздохнула, перекрестилась, едва слышно зашептала какую-то молитву. Ей ли не знать, как тяжело работать на одной лошади? Она хорошо помнит времена уборки урожая, когда на поле работали сразу три пароконные косилки, а вывоз снопов определялся несколькими десятками возов. Эх, куда всё делось? И вернется ли назад?

Братья подогнали лошадку к навесу рядом с молотилкой, стали выгружать снопы под крышу. Сейчас не время обрабатывать пшеницу, надо успеть вывезти хлеб с полей до дождя. Да и для работы на обмолоте колосьев нужна всё та же лошадь, без неё никак. Кто будет тянуть по кругу потуги для барабана? Бедная лошадка... Хватило бы у неё одной сил до окончания полевых работ. Если не дотянет, сдохнет, придётся Мельниковым идти на поклон к кому-то в деревню, просить коня. Только вот кто даст? Большевики всех лошадей у зажиточных крестьян забрали.

Разгружают братья телегу, носят снопы под навес. Глафира с Машей тут же суетятся, стараются помочь. Да где там! Тяжёлые снопы для девятидесятилетней старушки и маленькой Маши не под силу.

Владимир перетащил очередной сноп, остановился, прислушался:

– Что там собаки на дворе бранятся? Может, кто в ворота стучится?

– Да нет там никого! – ответила Глафира. – Они так с самого утра всё лают и лают беспрестанно. Мы на пасеке были, а потом мёд гнали. А они всё так же лают, не прекращая. Скоко раз я им говорила: угомонитесь! А они не слушают, гавкают, – махнула рукой за ручей. – Туда, на пригорок.

– Что там, может, зверь бродит? – задумчиво предположил Степан.

– Может, и зверь, – дополнил Владимир. – А может, человек по горе лазит, шишки сшибает.

– Шишки... – покачал головой Степан, и на этом разговор прекратился.

Разгрузив снопы, братья уехали назад, в поле. Глафира и Маша закрыли за ними поскотину, пошли в ограду. Глафира опять приструнила собак, поднялась на крыльцо.

– Пойдем, детонька, ляжем, отдохнём маненько, – позвала она Машу.

– Бабушка! А можно я на пруд сбегая, посмотрю, плотик уплыл или нет? – попросилась девочка.

– Ну, сходи-сходи, детонька! Сбегай, милая! Токо смотри, на плотике никуда не плавай, а то утопнешь!

– Нет, бабушка! Я не буду плавать! Только гляну, привяжу плот, и назад! – обещала та и побежала по настилу за мельницу.

Мостик с плотом находился в верхней части пруда. Выход к нему проходил между стайкой для скота и большим амбаром, где был проложен узкий, из двух кедровых досок, тротуар. Выход на берег преграждала небольшая, но выше человеческого роста калитка: чтобы куры на волю не выбежали и коровы в ограду не зашли.

Мельниковы пользовались этим выходом постоянно: носили воду домой, гоняли домашних уток, ходили полоскать бельё, мыться в баньку, которая, в целях пожарной безопасности, стояла дальше, в стороне от деревянных строений, неподалёку от водоёма. Закрывалась калитка легко, простым продолговатым засовом, который мог продвинуть в пазухах даже Витя. Для этого не требовалось много времени, но и его хватало на то, чтобы, оставаясь невидимым снаружи, увидеть в щели между досками большую часть пруда.

Семья использовала это преимущество: прежде чем выйти к пруду, смотрела, что происходит на водной поверхности и противоположном берегу. Мужики часто стреляли из-за укрытия в чёрного коршуна, чтобы тот не гонял птицу, а женщины ждали здесь возвращавшихся вечером коров.

Едва слышно перебирая ногами по тротуару, Маша добежала до калитки, собралась открыть засов, но остановилась. Заглянув в щели между досок, она увидела стайку диких уток, рядом с ними кружились домашние птицы. Дикие отличались от домашних красотой оперения.

Маша никогда не видела их так близко. До стаяк было не больше десяти метров. Селезни не подпускали человека, в лучшем случае находились на середине пруда или уплывали к противоположному берегу. Сейчас девочка могла рассмотреть даже цвет их глаз.

Завороженная редкой картиной, она замерла, припав к щели калитки. Дикие утки не замечали её, подавали тревожные голоса, крутили головами и суетливо плавали вокруг плота и мостика.

Машенька наблюдала за утками недолго. Всё её внимание было обращено на селезня, который находился на некотором расстоянии от своей большой семьи. Беспокойно плавая из стороны в сторону, он резко, отрывисто крякал, привлекал к себе внимание, и, казалось, ограждал потомство от невидимого врага. Кто был его враг, девочка увидела в следующую минуту.

Она услышала всплеск воды, раздавшийся над водной гладью, будто кто-то бросил в воду небольшой камень. Девочка посмотрела по сторонам: на противоположной стороне пруда, как раз напротив мостика, дрогнули кусты. Из густых зарослей тальника осторожно вышел человек. Недолго осмотревшись, бросив строгий взгляд в её сторону, он быстро наклонился к воде, зачерпнул в котелок воды и тут же ушёл назад.

Всё произошло так быстро, что Маша не смогла рассмотреть его лица, однако хорошо запомнила одежду и короткое ружьё за спиной. Удивившись, девочка долго смотрела туда, откуда вышел незнакомец, ожидая увидеть его снова. Но тот больше не появился.

Подождав ещё какое-то время, Маша побежала к Глафире рассказать о случившемся. Выслушав, та стала расспрашивать о том, как выглядел человек, вдруг побелела, не удержавшись на ногах, опустилась на лавку. Маша села рядом, постаралась её успокоить:

– Да, наверно, какой-то дядечка водички захотел попить!

– Да, детонька! И то правда, – стараясь казаться спокойной, вторила ей Глафира, но выражение её лица говорило об обратном.

– А сходи ты, Машенька, опять к калитке, постой так же тихо, как стояла, – попросила она, о чём-то раздумывая. – Посмотри, не появится ли опять тот дядечка? А коли появится, так наблюдай за ним. Только на глаза не показывайся. Если он сюда пойдёт, так сразу же беги, мне скажи!

– Хорошо! – согласилась девочка и поспешила назад, на свой наблюдательный пункт.

Долго она смотрела в щель между досок, но безуспешно. Дикие утки успокоились, продвинулись на середину водоёма, а домашние птицы безмятежно томились под лучами солнца. Где-то в стороне, на запруде, глухо бухало мельничное колесо. Лёгкий ветерок будоражил поверхность воды. Изредка то тут, то там бились круги: играла мелкая рыбешка. Над Машиным ухом назойливо пищали комары. Спокойная, обыденная картина мирной жизни пруда успокаивала. Замолчали во дворе собаки: чужой человек ушёл.

За усадьбой слышались голоса людей. Степан и Владимир везли очередной, второй за день, воз снопов. Оставив свой пост, Маша побежала открывать жерди на поскотине. Глафира пошла за ней.

Когда братья подъехали к молотилке, она не замедлила рассказать новость:

– А ведь у нас на пруду человек с ветру был! Маша, скажи, что видела.

Случившееся произвело на мужчин большое впечатление. Забыв о работе, с потемневшими лицами они молча выслушали девочку.

– Человек, говоришь?.. Дядечка чужой? С ружьём? – задумчиво спросил Степан. – А какое ружьё было? Большое или маленькое? – показал рукой за своей спиной. – Короткое или длинное?

– Вот такое, – подтвердила Маша, когда он выставил ладонь на уровне плеча. – А одежда... такая... ну, как у дядечки на коне.

– Военный, значит, – хмуро определил Владимир. – А шапка на голове у него была? Или фуражка?!

– Нет, фуражки не было. Ремень был! Но на голове ничего...

– С бородой?

– Нет! Без бороды был дядечка.

– В сапогах или броднях?

– В сапогах. Как есть в сапогах! Когда он в воду заходил, старался не набрать воды в сапоги! – вспомнила Маша, но больше ничего сказать не могла: далеко было, на другой стороне пруда.

Братья задумались. В другой раз появление человека с ружьём не вызвало бы у них интереса, но сейчас – времена не те! Военный, в форменной одежде, с карабином за спиной – случай подозрительный. Только вот кто он? Красный или?.. Если большевик, то почему на мельницу не явился, в кустах прячется? А если это... Константин?.. Или кто-то из его товарищей... ждут ночи, боятся днём выйти.

Кто бы он ни был: белый или красный – для Мельниковых всё плохо. Одни разорение несут, от других может погибнуть семья. Хоть Костя и муж Anne, но воевал на стороне Колчака.

Тяжело Мельниковым. Куда ни кинь – всюду рваные бродни. Как быть – непонятно. Пока братья решили не торопить время. Если это Костя, сам ночью выйдет на мельницу.

Всю последующую ночь на усадьбе была напряженная обстановка. Спали только дети. Взрослые, напрягая слух, слушали собак. Анна, не раздеваясь, просидела на постелях со слезами и мольбой: «Костенька! Милый! Если это ты, явись, выйди к своей верной подруженьке!»

Серое, туманное утро дыхнуло прохладной свежестью. Тяжёлый воздух напитался запахом мокрых от росы крыш. Пережёвывая жвачку, в стайках шумно вздыхали коровы. Навострив уши, на тротуарах свернулись калачиками собаки. Где-то на пруду, приветствуя новый день, жвьякает селезень. Ему вторит из курятника неутомонный петух.

Мельниковы встали рано, а если быть точнее, они не ложились вообще. Лица у всех уставшие, осунувшиеся, глаза впалые. Никифор, Степан и Владимир вышли на крыльцо, долго прислушивались. Вроде всё спокойно. Глухо бухает мельничное колесо. Упруго вращаясь под давления воды на холостом ходу крутится длинный, лиственничный вал. Редуктора молчат, раздвинуты без работы до времени. Приветствуя хозяев, чихая мокрыми носами, рядом крутятся псы.

– Тихо, однако, – плотнее запахивая на груди душегрейку-безрукавку, нарушил молчание Никифор Иванович.

– Может, и нет никого? Бродяга прошёл мимо, воды набрал на чай да ушёл восвояси, – предположил Степан.

– Всё равно посмотреть надо. Может, следы остались, – покачал головой отец и махнул рукой: – Собак привяжите, а то под ногами путаться будут.

Братья послушались, посадили животных на цепь, пошли по тротуару на пруд.

– Долго не бродите! Скоро бабы встанут, завтракать будем, да в поле! – напутствовал их вслед отец и по привычке перекрестил дорогу: – Господи, благослови!

Сыновья переступили за калитку, остановились, рассматривая противоположный берег. Где-то там, в кустах, Маша видела вчера незнакомца. Чтобы пройти туда, им нужно обогнуть пруд с верхней стороны, перейти ручей через мостик, а потом, в обход, по тропке пробраться к кустам сзади. Они выросли здесь, с детства знаком каждый метр пути. Пройти до указанного места им не понадобилось много времени.

Девочка сказала правду. Очень скоро мужчины нашли следы, где человек брал воду. След от сапог хорошо виднелся на мокрой, грязной тропе, где давно никто не бродил, кроме коров. Приходивший за водой человек об этом знал. Скрываясь за кустами, он ходил по тропинке несколько раз. Дождя не было, а роса не смогла испортить чёткие отпечатки ног незнакомца.

Следы поношенных сапог повели по тропинке к пригорку за прудом. Там человек сворачивал в сторону старого кедра. Сколько лет могучему дереву – никто из Мельниковых не знал. Деды Иван и Захар рассказывали наследникам, что когда они пришли сюда, он стоял таким, каким был сейчас.

Братья вышли на знакомое место. С малых лет они часто бывали здесь, играли в старателёй, таёжных следопытов, прятали в корнях многолетнего дерева какие-то игрушки и детские ценности. Под кронами у них находилось тайное убежище. Спрятавшись, мальчишки наблюдали за всем, что происходило вокруг. Отсюда хорошо просматривалась мельница, тропинки и дорожки, дом, ограда и хозяйственные пристройки. В этот раз укрытие использовал в своих целях мужик в сапогах.

Следы привели под кедр. С обратной стороны, за стволом дерева, из густого пихтового лапника была устроена лежанка. Отсюда незнакомец наблюдал за усадьбой, именно на него последние два дня лаяли собаки.

Для них подобное открытие сравнимо с ушатом кипятка, опрокинутого им на головы. Они видели лежанку, понимали, что за ними наблюдали, но не могли понять, зачем и кому это нужно.

После небольшого расследования еще кое-что выяснилось. Наблюдатель был не один, с ним находился спутник, возможно, два. Люди менялись местами, следили по очереди. Чтобы не выдать своё присутствие, они не разводили костёр, ели всухомятку, спали. Один из них курил самокрутки, пользуясь недавней газетой. Они знали, Костя прежде не курил, а его товарищи пользовались трубками.

Степан и Владимир догадались, кто за ними следит. Собрались вернуться на усадьбу к отцу с тревожной новостью, но вдруг нашли улику, сбившую их с толку: пустая консервная банка из-под тушёнки, валявшаяся в стороне, в кустах. Вытянутая, более длинная, чем обычные, производимые в России, с непонятными иероглифами на крышке. Приняли её за китайскую...

Костя!.. Это он с товарищами ел китайскую тушёнку. Но где он сейчас? На этот вопрос тоже нашелся ответ. Костя знал, где находится схрон, тайная кладовая на горе под скалой. Вероятно, он сейчас пошёл туда за продуктами.

Посоветовавшись, мужчины решили сходить под скалы. Им хотелось как можно скорее увидеться с близким человеком, узнать, что произошло с ним за эти годы, надолго ли сюда пришёл и каковы его дальнейшие планы. Если это не он, то не грех лишний раз проверить продукты: вдруг кто наткнулся?

До усадьбы от кедра около трёхсот метров, до скал на горе не больше километра. Можно сходить домой, рассказать о лежанке, посоветоваться с отцом, вот только время терять не хочется. До зав трака нужно вернуться. Когда ещё представится случай побывать на горе? Работа – не медвежья берлога, отдыхать не даёт! Братья были уверены, что Костя с товарищами там, в пещере. Наелись, спят в тепле, как бурундуки. Вот будет потеха, когда они их застанут врасплох!

Довольные таким предположением, парни поспешили на гору. Путь знакомый, здесь они ходили сотни раз. Лесная тропа, где возили на лошадях зерно и муку, проходит в стороне, справа. Сокращая путь, пошли напрямую. Двигаясь вперед, не забывали смотреть следы, но отпечатков сапог не находили. Чтобы не натаптывать тропу, не давать след другим, Мельниковы ходили к скалам всегда в разных местах. Костя об этом знал и, вероятно, пошёл в пещеру другой дорогой.

Скоро Степан и Владимир подошли к знакомому месту. Нагромождённая гряда невысоких скал на горе походила на окаменевших, древних часовых. Образованная в результате тектонических подвижек, подверженная ветрам и воде за долгие тысячелетия, гряда была наполовину разрушена, разбита осыпавшимися, отколовшимися камнями. Сохранились достаточно высокие, около двадцати метров в высоту, скалы, разделённые небольшими проходами между ними. В одном из таких проходов, под третьей скалой, заваленная тяжёлыми валунами, находилась небольшая, около двадцати метров в длину, пещерка.

Когда-то она служила убежищем древним людям. Об этом свидетельствовали закопчённые своды и несколько высеченных рисунков на стенах: человек с луком и стрелами, охотившийся на какого-то зверя, несколько фигурок людей, образовавших хоровод вокруг костра. Рисунки просматривались хорошо, будто были вытесаны совсем недавно. В дальнем углу до сих пор покоилась куча каких-то костей, некоторые достигали половины человеческого роста. Возможно, это были останки мамонта или ещё какого-то древнего животного.

Неизвестно, кто первый из Мельниковых обнаружил эту пещеру. Вначале она служила просто интересным местом, куда бегали играть дети. Теперь под её сводами стояли небольшие, до центнера весом, обитые жестью от мышей лари для муки, зерна и прочих сухих продуктов. Тут же хранились запасы тушёнки, круп, керосина и мёда. Вход преграждали валуны, чтобы внутрь не мог забраться медведь или посторонний человек.

Братья долго стояли около скал, слушая и всматриваясь в окружающее пространство. Тайга хранила спокойствие. Кроме птичьих голосов, не слышно посторонних звуков, как и не

находилось следов присутствия чужих людей: сюда никто не приходил. Они подошли к заваленному входу, надеясь, что Костя был в этом месте несколько дней назад и брал продукты. Их постигло разочарование. Камни над входом лежали так, как они поместили их, когда последний раз привозили зерно. Прежде чем идти назад, решили проверить запасы. Вдвоём отвалили валун в сторону. Небольшой проход открыл дорогу в пещеру.

Протиснувшись друг за другом в узкий лаз, братья очутились в темноте. Степан протянул вперёд руку, взял с уступа керосиновую лампу, спички. Тусклый, матовый свет наполнил низкие своды. Шагнули вперёд, прошли несколько метров. Перед ними прояснились два ряда небольших бочек. Просмотрев на каждом из них крышки, убедились в их полной сохранности. Все продукты на месте. Нет, Кости здесь не было. Тогда кто же был там, у кедра, наблюдал за мельничной усадьбой?! Тяжёлая, запоздалая догадка липким дёгтем наполнила их сознание.

Больше не сомневаясь в своих предположениях, мужчины поспешили к выходу. Степан задул керосинку, поставил её на место, рядом положил спички. Оба пролезли назад, выбрались на свет. После глубокой темноты не сразу увидели и поняли, что происходит.

– Ну что, кулацкое отродье, попались?..

Вокруг, направленные на них, ощерились стволы карабинов.

Голос знакомый, противный, довольный. Его нельзя спутать ни с чьим другим. В другое время взять бы, заглушить его сильным ударом кулака. Да только сейчас с ним сила большая.

– Что я вам говорил, товарищ Глухарёв? Есть у них схрон! Есть! Вот он! – прыгая, орал с налившимися кровью бычьими глазами Ванька Бродников, и к Володьке:

– Что скажете, сучье племя?

Смотрят братья: повсюду милиционеры. Среди них – знакомые лица: Ванька и Петька Бродниковы, Нагорный Иван, Михрютин Фёдор, ещё человек десять во главе с комиссаром Глухарёвым. Половина – из соседнего посёлка Жербатихи – люди, которых Мельниковы подкармливали зерном и мукой. Выследили Степана и Владимира.

А Ванька всё сильнее радуется, что слежка удачно завершилась. Не зря двое суток под кедром лежал, за усадьбой наблюдал. В пещерный лаз бросился, Михрютин за ним. Пока комиссар Глухарёв Степана и Владимира спрашивал, из темноты раздался визгливый голос:

– Вот те, товарищ Глухарёв! Все тутака, как я и говорил! Тут муки да зерна пудов двести будет!

Глухарёв поправил фуражку, с укором сказал:

– Что же это вы, мужики... Народ голодает. Нежли нельзя было...

– По-вашему, мы должны были всё отдать, а сами зубы на полку? – обиженно спросил Степан.

– Ну почему всё? У вас ведь на полях ещё зерно нетронутое осталось. Две коровы...

– А на чём его убирать, зерно-то? Всех лошадей отобрали!

– Серпом! – зло пошутил Петька Бродников.

– Серпом ты сам себе бурьян вырезай в ограде! Это у тебя всё осотом поросло! Хозяин-то ещё тот! – в тон ему ответил Владимир.

– Но-но! Позубоскаль мне тут! – выпятил грудь Петька. – Сам знаю, что мне убирать, а что не убирать. Некогда мне хозяйственными делами заниматься, пока такие, как вы, народ давите!

– Давим? – взорвался Степан. – Чем же это мы его давим? То, что на себя пашем да ещё и вас подкармливаем? Уж ты, сучий сын, мало мы тебя кормили-поили да ещё деньги давали? Забыл добро наше? Со свиным рылом в калашный ряд прёшься?

– Ты меня не учи, я и так учёный! – наступая с ружьем в руках на братьев, почернел лицом Петька. – У вас вон скоко добра, пора с мужиками делиться!

– А кто же вам мешает хозяйством заниматься? Бери вилы в руки – и на поле! Глядишь, колосок какой вырастет! А чужое добро не считай. Оно потом и мозолями добыто, покуда ты, сосунок, на печи свои пятки грел!

Слово за слово, накалилась обстановка, как кипящий самовар. Чувствуя за собой силу, Петька тычет Степану карабином в грудь. Тот, в свою очередь, за ствол хватается сильными руками. Завязалась борьба. У Петьки палец на курке, затвор взведён – вот-вот выстрел грянет. Комиссар хотел разнять их, но не успел. Степан вырвал из Петькиных рук оружие, откинул его на землю, коротко размахнулся, вдарил ему кулаком в лицо. Петька и охнуть не успел. От крепкого удара полетел мешком с картошкой навзничь, ноги от земли оторвались. Хрюкнул, как поросенок, раскинул руки.

Милиционеры навалились на Мельниковых, закрутили руки за спину, туго связали верёвками. Глухарёв наклонился над Петькой, похлопал его по щекам.

Из пещерки показалась косматая голова Ваньки Бродникова. Увидев лежащего брата, он выскочил наружу, завис коршуном над Степаном:

– Ты?.. Это ты его ударил?.. – подскочил к Петьке. – Братка! Братка, вставай! Да что же ты? – Опять к Степану: – Но, сучье вымя... Братку моего по морде бить? Уж да я же... Да я тебя! На северах сгною! Да я тебя!.. Да ты у меня!..

Ванька наострил бить ногами лежащего Степана, но милиционеры оттащили разбушевавшегося в сторону.

– Вы у меня кровью харкать будете! Вы мне ещё сапоги лизать будете!..

Глухарёв оборвал его:

– Хватит орать! – И тал давать распоряжения: – Всё, этих, – указал пальцем на братьев Мельниковых, – на мельницу! Там при всех допрос вести будем! Михрютин! Возьми ещё кого, здесь останешься зерно и муку охранять. Скоро за вами лошадей пришлём. – И опять склонился над Петькой: – Эй! Петруха! – похлопал по щекам, а когда тот замотал головой, как пришибленный кувалдой бык, усмехнулся:

– Вставай! Ловко же он тебя поддел, дух зараз вышиб! Одыбался? Ну, наконец-то! Поднимайся!

Петька поднялся с помощью Глухарёва, какое-то время смотрел на окружающих отсутствующим взглядом, наконец-то полностью пришёл в себя, подобрал свой карабин, снял его с взвода, сипло выдохнул:

– Ну, Стёпша! Боком тебе этот кулак вылезет!

– Отставить! – скомандовал комиссар. – Никаких угроз! Всё будет по законам трудового народа!

– Это что значит? Можно запросто кулаку простого мужика, представителя власти, по морде бить?! – заскрипел зубами Петька. – Ну уж нет! Я этого так не оставлю!

– Отставить, говорю! – ещё раз более требовательно воскликнул комиссар. – Никаких разбирательств здесь! В районе разберёмся! – И махнул рукой Мельниковым: – Вперёд!

Схваченных братьев повели под конвоем на мельничную усадьбу.

В доме поднялся переполох. Увидев связанных, поняв, в чём дело, заголосили женщины. Дети в испуге забились в дальнюю комнату. Никифор Иванович, стянув с головы шапку, застонал от горя:

– Ы-ы-ых, вашу мать! Достали-таки! За что?..

Глухарёв приказал завести пойманных в дом, поставить под иконами. Почерневшего Никифора посадили у печки. Сам командир сел за стол, раскрыл полевую сумку, достал какие-то бумаги, принялся читать. Мельниковы, молча слушали, мало понимали все предписания продовольственной разверстки. И только последние слова приговора «заключить под стражу» приняли с глубоким стоном.

Никифора Ивановича, Степана и Владимира вывели из избы, поставили под стражей посреди двора. Два милиционера запрягли в телегу их лошадь. Остальные проверяли сараи и амбары.

– Как же так, товарищ комиссар? – причитала Матрена Захаровна. – Как же мы теперь жить без мужиков будем? Кто хозяйство вести будет?

– Это не моё дело, – равнодушно отвечал Глухарёв, подкуривая папироску. – Раньше надо было думать.

– Куда ж их теперь? – вторила матери Анна. – Что с ними будет?

– Не знаю. Наше дело поймать и доставить. А там народный суд разберётся.

– Да какой же суд-то? Кого судить? Простого мужика, который от зари до зари поле пахал?!

– Ничего не могу знать! – отрезал тот, отстраняя женщин. – Отойдите от арестованных.

За мельницей ахнул выстрел. За ним другой, третий. Глухарёв схватился за кобуру, выхватил револьвер. Милиционеры клацнули затворами карабинов, бросились по тротуару на пруд. Комиссар подбежал к воротам первым, опасаясь перестрелки, посмотрел в щель ворот. На берегу, присев на колени, Ванька и Петька Бродниковы вразнобой стреляли из карабинов по диким уткам.

Взбивая фонтаны брызг, стремительные пули металась над водой, ложились далеко от цели. Выстрел – мимо! Другой – опять мимо! Утки крутятся на месте, не понимая, что происходит. Никто и никогда из людей еще не поднимал на них оружие. Клацания затворов слились с грохотом. Горячие гильзы летели в траву. Ещё два выстрела, и замолчали карабины недавних братьев Бродниковых. В магазинах кончились патроны. Наконец-то поняв, что им грозит смерть, вольные птицы сорвались с места и, сделав прощальный круг, набирая высоту, улетели навсегда.

– Кто стрелял? – подбегая, закричал Глухарёв.

– Да это мы, – поднимаясь с колена, с улыбкой ответил Ванька. – Всю жисть мечтал ентих уток побить, да не получалось!

– Кто разрешил?

– Дык... а что тут такого? – в удивлении пожали плечами своевольники.

– За трату казенного имущества!.. За разгильдяйство!.. – орал комиссар. – Строгий выговор! Ещё такое повторится – под арест!

– А что мы такого сделали? – с тупым выражением лица округлил глаза Ванька. – Ну, подумаешь, постреляли. Можно было суп сварить...

– За мной! – приказал старший по званию обоим. – Никуда не отходить! Без команды не стрелять!

Бродниковы понуро пошли за ним в ограду. Милиционеры хохотали:

– Эх вы, стрелки! С двадцати шагов в утку попасть не могли! В сапоги по утрам ногами попадаете?

Из мастерской вышел Авдеев Василий, вынес в руках переднее колесо от телеги, подошёл к Глухареву:

– Сергей Григорьевич! Интересный факт представился!

– Что такое?

– Да вот, колесо удивительное, посмотрите. Очень антересное колесо, но не от телеги. Резиной обтянуто, с усиленными спицами, лаком крытое. – И прищурил глаза: – Зачем, спрашивается, простому крестьянину колесо для телеги на резиновом ходу?

Мельниковы похолодели. Сгубила хозяйская сноровка Никифора Ивановича всех. Как есть сгубила!

– Да говори ты, Авдеев, не тяни коня за гриву! Что тут такого? – нетерпеливо поторопил его командир.

– А вот то, что колесо это от пулёметной тачанки! Я сам на такой Гражданскую прокатался, с белыми воевал! На нашей тачанке точь-в-точь такие колёса были, ни с чем не перепутаешь!..

– Где нашёл?

– Там, в сарайчике, среди прочих старых колёс. Вроде как припрятаны от постороннего глаза. Восемь штук! Как раз от двух тачанок.

– Восемь?! – не поверил Сергей Григорьевич. – А ну, показывай!

Мужчины зашли в сарай, недолго там были, скоро вернулись назад.

– Что скажете? – с холодным лицом обратился комиссар к родственникам. – Откуда колёса?

Молчат Мельниковы. Сказать нечего. Да и незачем, всё и так ясно.

– Я же говорил! Говорил!.. – бегал по ограде Ванька Бродников. – Что они белых тут скрывали. И Костя ихний у Колчака служил. Это Костя был тут на тачанках. Точно он!..

– Молчите? – смотрел комиссар задежанным в лица, не добившись ответа. – Ну что же! В районе с вами будут разговаривать по-другому! – И подчинённым:

– На телегу их!

Никифора Ивановича, Степана и Владимира посадили на их же телегу. На усадьбе крики и стоны женщин. Плачут дети. Лают, рвутся с цепей собаки. Анастасия и Анна передали наспех собранные котомки с продуктами. Милиционеры сразу же проверили их на наличие оружия. Колонна всадников и арестантов выехала со двора. Женщины и дети – за ними. Глухарёв преграждал им дорогу:

– Всё, хватит прощаться! Потом свидитесь!

– Да когда ж потом?! Чует сердце, не вернутся домой мужики! – стонала Матрёна Захаровна.

– Ну, это суд разберётся! Всё! Далее не ходить! Назад возвращайтесь!

Остановившись за мельничным мостком, женщины рыдали, махали вслед, читали молитвы. Никифор Иванович с сынами давали последние наказы:

– Снопы уберите, сгниют! У Егора Ухватова в поселке коня спросите, на молотилке зерно прогоните... мельницу вхолостую не пускайте, после работы вал отсоедините... на зиму воду из пруда сбрасывайте, а то перемерзнет. Детей берегите!..

Последние слова утонули в чавканье лошадиных ног в грязи. Повозка с арестантами скрылась за поворотом. Было видно, как Никофор, осматривая крепкую крестьянскую усадьбу, крестится. Степан и Владимир понуро опустили головы.

Ушёл отряд. Увезли мужиков Мельниковых в неизвестность. Матрёна Захаровна так и села на подкосившихся ногах на дорожную грязь, запричитала:

– Ой, горе-то какое! Как быть? Что делать? Как жить дальше?

Анна и Анастасия, придерживая женщину под руки, подняли её на ноги, медленно повели в дом. Рядом, сгрудившись в жалкую кучку, шли и плакали дети. Они ещё не осознавали всей беды, в которую попали.

На крыльце дома, прислонившись плечом к стене, уткнувшись лицом в колени, сидит бабушка Глафира. В её открытых глазах застыли слёзы. Чёрная боль сжала сухие, старческие губы. Не видеть бы ей ареста сына и внуков, не переживать крах уклада жизни крепкой крестьянской семьи.

Машенька подбежала к ней первая, хотела пожалеть бабушку, присела рядом, прижалась к плечу:

– Не плачь, бабушка Глафира!..

Успокаивает Машенька Глафиру, но не слышит ответа. Ещё не остывшее тело не двигается. Заглянула в её глаза, удивилась:

– Тетечка Аня! Бабушка молчит, ничего не говорит!

Анна и Анастасия испугались. Обе подскочили к Глафире, ахнули, засуетились:

– Ой, же, детонька! Отпусти руку бабушки! Не ответит тебе она боле... Умерла бабушка.

Этап

На пристанской площади шумная суета. Вzbивая копытами дорожную пыль, бегут запряжённые в пролётки лошади. Бравые кучера, встряхивая вожжами, строго покрикивают на зазевавшихся прохожих, лихо подворачивают к речному вокзалу, стараясь подъехать как можно ближе к дверям кассы. Довольные пассажиры проворно суют возчику плату за проезд, благодарят и быстро снимают багаж, торопятся купить билет. Со всех сторон к берегу спешат люди с вещами. Где-то в стороне, не поделив место, бранятся две тётки. У входа в вокзал визгливая, толстая рябуха предлагает в дорогу горячие пирожки. Из густых кустов акации слышится перебранка подвыпивших мужиков. На заборе расселись дети. Заложив за спину руки, наблюдая за порядком, среди пестрой толпы народа неторопливо ходит милиционер.

Нагоняя в котлы давление, у причала пыхтит паровой катер. За ним, зацепленная на прочный, стальной трос, лениво покачивается железная, с деревянной палубой баржа. С неё на пристань брошены неширокие, ступенчатые сходни. На берегу, сдерживая напор непослушной толпы, проверяют билеты два строгих кондуктора. Допущенные к поездке пассажиры осторожно поднимаются по хлипким мосткам наверх. Кто-то из них, вспоминая прошлые годы, ругает новую власть:

– Дожили! Людей, как скотину, в трюмах возят! Где быстроходные пароходы с каютами? Где первоклассное обслуживание? Где опрятные, вежливые матросы? Где холёные официанты в белых манишках?

Давно не плавает по Енисею пароход «Минусинец», стоит в затоне у города Красноярска. Безотказный в работе «Святитель Николай» переделан под нефтеналивную баржу. Прежнее регулярное сообщение между Минусинском и Красноярском нарушено, начались проблемы. Интеллигенция должна ехать под одной крышей с рабочими и крестьянами. И всё же выбора нет! Куда быстрее и удобнее плыть, чем трястись в тарантасе по пыльной дороге четыреста вёрст.

Постепенно люди заполнили баржу, заняли свободные места. Кто-то расположился в крытой кают-компании, большая часть народа осталась наверху, смотреть на берега батюшки Енисея. Нечасто простому человеку даётся возможность проехать, проплыть по реке. Некоторые едут впервые, им интересно путешествовать на воде, рассматривая неповторимые красоты! Когда ещё представится случай ощутить себя вольной птицей?

Наконец-то на палубу поднялся последний пассажир. Кондуктор на берегу дал длинный свисток. Поддерживая его, ударила рында. Матросы подняли трап. Носовые забрали концы, напружинившись мускулистыми телами, шестью оттолкнули катер от берега. Почувствовав глубину, штурман повернул штурвал вправо, включил редуктор двигателя. Натужно пыхтя, судно потянуло неуклюжую баржу на середину протоки, развернуло по течению и, прибавив скорость, потащило за собой. Провожающие все ещё желали счастливого пути, а пассажиры махали руками. Быстро набирая скорость, катер выдохнул паром прощальный гудок и скрылся из глаз за поворотом.

Люди стали расходиться по домам. Пристань опустела. Выждав положенное время, к берегу приблизился человек в кожаной куртке с красной звёздочкой на фуражке, махнул рукой на стоявший неподалеку другой катер. На нем тут же возникло движение. Вдоль бортов забежали матросы. Послышался грохот выбираемого якоря. Пыхнув чёрным дымом, он с баржей медленно двинулся к пристани, откуда несколько минут назад отплыл пассажирский рейс. Пришвартовался. Капитан спустился на берег, подошёл к мужчине в кожаной куртке. Негромко переговариваясь, оба закурили. Один, спокойно осматривая пристань, пыхал трубкой. Другой нервно поглядывал на часы.

Вскоре в конце Пристанской улицы послышался шум. К вокзалу быстро приближались несколько пролёток с милиционерами. За ней, покачиваясь на выбоинах, катилась пулемётная тачанка. Въехав на привокзальную площадь, хранители порядка остановили лошадей. С тачанки соскочил командир взвода, быстро зашагал в сторону комиссара. После недолгих объяснений со старшим он отдал приказ на охрану прилегающей к речному вокзалу территории. На углу пересечения двух улиц, выставив грозный пулемёт, встала тачанка. Вооружённые милиционеры густо оцепили площадь и пристань. Из окон соседних домов с опаской наблюдали жильцы.

Время шло. Комиссар, капитан катера и командир взвода закурили ещё раз. Наконец-то в конце улицы, останавливая встречные повозки, показался конвой. Всадники сопровождали две чёрные будки с решётками на окнах, которые тянули пары лошадей.

Возчики погоняли коней. Будки прыгали на ямах, грохотали по избитой дороге. Из них доносились недовольные голоса, но группа сопровождения не обращала на это внимания. Устав караульной службы обязывал конвоиров довести заключённых к назначенному месту как можно быстрее, не останавливаясь.

Въехав на площадь, повозки остановились ближе к причалу. Старший конвоир спешил на землю, доложил комиссару о доставке осуждённых. Тот, в свою очередь, отдал приказ на их погрузку. Подчинённые образовали охраняемую дорожку. Конвоир открыл дверцу первой будки, назвал фамилию, дал отрывистую команду:

– На вход по одному! Пошел!

Началось движение. На землю выскочил человек в тюремной робе. Охрана указала ему путь. Быстрыми шагами арестант прошёл на баржу. Его встретили вооружённые милиционеры, направили вниз по трапу в трюм. Только после того, как он оказался на месте, командир взвода вызвал второго, потом следующего.

Когда заключённые исчезли в трюме, открылась железная дверь второй будки. Из нее перегнали ещё троих арестантов. Прочная, кованая дверь захлопнулась. Пустые повозки показывали назад по улице. Теперь их никто не сопровождал. Возчики знали дорогу, по которой приходилось переправлять осуждённых много раз.

Недолго посоветовавшись, комиссар и подчинённые присели на лавочку возле кассы. Они опять чего-то ждали, не распуская оцепления.

Ждали долго. Прошёл час. За ним второй, третий. Собравшиеся беспрестанно курили. Комиссар нервно следил за временем. Часовые устало топтались на месте, негромко переговариваясь друг с другом. Пулемётчик, не находя себе места, недовольно зевал.

Наконец-то среди милиционеров пролетел взволнованный ропот:

– Идут, идут...

Часовые взяли в руки винтовки. Развернувшись, пулемётчик сел за грозное оружие. Комиссар, командир взвода милиционеров и капитан катера встали с лавочки, поправили форму.

В конце улицы, в поле видимого зрения, показалась процессия. Издалека она казалась толпой народа, неторопливо шествующей по Пристанской улице. Через некоторое время можно было различить людей, окружённых всадниками и милиционерами.

Всего насчитывалось человек сто: мужчины, женщины, старики, дети, осунувшиеся от долгих допросов, почерневшие от переживаний, уставшие от бесконечных слёз, постаревшие, сгорбленные, сжавшиеся от страха перед происходящим. Медленно переставляя ноги, люди обречённо шли, желая только одного: чтобы всё поскорее закончилось.

Редкие прохожие, наблюдая за происходящим, останавливались на тротуарах, прижимались к домам. Кто-то быстро, набожно крестился. Другие, провожая осуждённых тяжёлым взглядом, молчали. Третьи зло кричали вслед:

– Так вам и надо, кулаки! Хватит на чужих горбах кататься!

На привокзальной площади пришедшие сгрудились в кучу. Комиссар скомандовал:

– По семьям – становись!

Арестованные встали отдельными группами. Началась поимённая перекличка.

– Подгорные! – читая список, выкрикивал командир взвода. – Сколько человек?

– Восемнадцать, – за всех ответил глава семьи. – Все здесь.

Мужчина пересчитал людей заново, что-то написал на бумаге, подошёл ко второй группе.

– Ерофеевы!

– Четырнадцать. Все здесь, – скорбно посмотрел на родных глава дома.

Взводный пересчитал и их, сделал соответствующую пометку, перешёл дальше.

– Мельниковы!

– Здесь, – подавленно ответил Никифор Иванович.

– Вижу, что здесь. Сколько человек, спрашиваю?

– Одиннадцать.

– Ясно, – сурово ответил комвзвода, рисуя карандашом на бумаге.

– Масловы!

– Здесь!

Окончив перекличку, командир доложил комиссару:

– Семьи в полном составе! Больных и сбежавших нет!

Комиссар кивнул головой, отдал приказ:

– На погрузку! По очереди – марш!

Стоявшая с краю семья Ерофеевых гуськом, друг за другом пошла сквозь строй оцепления к трапу, поднялись на баржу. Часовые открыли дверь трюма.

– Детей-то хоть наверху оставьте! – робко попросила одна из женщин, заглядывая вниз. – Темно там, напугаются.

– Вот ещё! А вдруг кто за борт упадёт?! Нам что, потом отвечать за них? – ответил строгий конвоир и качнул стволом винтовки, подгоняя людей. – Сказано – всем в трюм!

Ерофеевы осторожно, чтобы не споткнуться на крутых ступеньках, спустились на дно баржи. Когда последний из них исчез в дверном проеме, часовой повернулся лицом к берегу, махнул рукой:

– Давай следующих!

Так же, как и первая семья, подгоняемая конвоем, семья Подгорных проследовала на борт, исчезла за железной дверью.

Наступила очередь Мельниковых. Подняв младших детей на руки, подхватив вещи, взрослые поспешили к трапу. Впереди – Никифор Иванович, за ним – Матрёна Захаровна, следующие – Степан и Анастасия с ребятишками, Анна, её дети. Замыкал шествие Владимир. Поднимаясь, Матрёна Захаровна оступилась, едва не упала в воду. Её вовремя поддержал Никифор Иванович. Часовой недовольно зашипел сквозь зубы:

– Ну, корова! Наела брюхо за счёт других! Разжирели, а нам тут вошкайся да сопровождай! И когда вас только всех переправят?..

Владимир, в это время находившийся рядом с ним, размахнулся, хотел дать ему по зубам, но Анна вовремя зависла на его руке.

– Что?.. – клацнул затвором охранник. – Хошь меня вдарить? А ну, давай! Враз пулю схлопочешь! – И уже вслед: – Давай, шагай, не оборачивайся! Будешь мне тут ещё кулаками размахивать! Скажи спасибо, что мы тут, в городе. Если бы на северах было, сейчас бы уже в башке дырка была!

– Что ж ты, брат, не пальнул в него? – подскочил к охраннику Ванька Бродников. – Он ещё тот гад! Из-за него мы тут с братом Петром конвой несём.

– Ничего, представится ещё случай... – ответил тот, со злостью сплюнув на землю.

Владимир слышал весь разговор, обернулся, покачал головой:

– Ну, Ванька, и сволочь же ты! Чем за добро наше платишь?

– А тем и плачу, что вы нам давали! – ответил Ванька, поправляя в руках карабин. – Давали – едва унесли. Теперь вот вы носите.

– Давай следующих! – крикнул за спиной охранник.

Загнали людей друг за другом, торопливо, под строгие окрики конвоиров, с небольшим количеством вещей, что разрешалось взять с собой в дорогу. Семь раскулаченных семей, в одночасье лишившихся крова, хозяйства, земли, осуждённых на поселение на далёкий, холодный север. Еще не зная, что их ждет впереди.

Закрылась тяжёлая, железная дверь. Грохнул засов. Звякнули ключи. Отдав последние распоряжения, комиссар сошёл на берег. Матросы подняли трап. Капитан парового катера занял свое место в рубке за штурвалом. Служащие отдали концы, оттолкнули судно шестами на воду. Капитан включил скорость, прибавил обороты двигателя. Пыхнув трубой, катер привычно потянул баржу. Без свистка кондуктора. Без звонкой рынды. Без прощального гудка.

Милиціонеры сняли оцепление на площади. Укатила пулемётная тачанка. За ней, выстроившись парами, лёгкой рысью поскакали всадники. Командир взвода повёл подчинённых к мосту. Тюремный конвой оставил речной вокзал до следующей партии заключённых.

В трюме прохладно и темно. Зарешёченное окно пропускало мало света. На длинных, во всю ширину баржи, нарах, прижавшись друг к другу, ютятся люди. Кто-то уныло смотрит на узкое окно наверху, другие опустили голову. Женщины держали на руках детей, дети прижимались к родителям подрагивающими от страха телами! За железными стенами журчит плотная вода. Баржа лениво раскачивается из стороны в сторону, подрагивает от рывков троса. Монотонный рокот двигателя отдаёт бубном шамана, глушит слух. В воздухе витает стойкий запах керосина: когда-то здесь возили топливо.

Семья Мельниковых разместилась в кормовой части, в окружении таких же, как и они, бесправных ссыльных, раскулаченных крестьян Масловых и Подгорных. Масловы – из Ермаковского уезда, имели свой маслобойный цех. Подгорных пригнали из Каратуза, где они занимались выращиванием зерновых культур. Лишённые своего хозяйства, всего имущества, осуждённые советской властью, с позорным клеймом «враги трудового народа», люди покорно несли свой крест.

Отдельно от всех, заняв удобное место в носу баржи, расположились семь заключённых в черных робах. Вольно развалившись во всю длину нар, представители уголовного мира негромко переговаривались, бросали на раскулаченных сочувствующие взгляды.

– Сколько за свою жизнь перевидал, но никогда не думал, что на этапе буду вместе с ребяташками, стариками да бабами... – глухо проговорил пожилой мужчина, по всем приметам вор, вероятно, занимавший высокое положение в своём кругу.

– Да уж, как селёдку в бочку напихали! – в том ему вторил другой. – Да было бы за что: украл, обманул или убил. А то за своё же добро! – И обратился к Никифору Ивановичу: – Эй, отец! Много добра отобрали?

– Мельница была... четыре поля с пшеницей, рожью да гречиха... лошадей держали, коров... – подавленно ответил старший Мельников, скорбно качая головой.

– Ну и дела! – дивились зеки. – Наверное, скоро за свои обмотки на Север ссылать будут! Получается, надо в одних сапогах всемером ходить!

– Или в кальсонах! – дополнил сосед, обращая всё в шутку.

Преступники дружно засмеялись, заговорили о чём-то своём. Никифор Иванович опустил голову.

Задуматься было над чем. Лишившись нажитого за век хозяйства, от одного удара судебного молотка Мельниковы были брошены вниз, лицом в грязь шквальных перемен. Недолго длившееся следствие, а за ним скоротечный суд разорвали жизнь семьи надвое: светлую прошлую и чёрную настоящую. Прежнюю – с достатком, сытостью, надёжным будущим. Новую –

полную неизвестности, жестокого обращения, с надвигающимся голодом... Страшные чувства мгновенного падения. Возможно, случайно оступившись, так падает человек с крутого обрыва: несколько секунд назад еще был жив, здоров, доволен жизнью, но теперь лежит переломанный, прощается с миром. И никто не может помочь. Ждать и звать бесполезно. Да и кого звать, если никто не слышит?

После ареста Никифора Ивановича, Степана и Владимира последовала скорая депортация остальных членов семьи.

На третий день, едва женщины успели похоронить Глафиру, на мельницу вновь пожаловали милиционеры. Поминальная трапеза была прервана скорыми сборами. Посаженные на телеги женщины и дети смогли лишь взять с собой что попало под руку. Страдальческие стоны не смогли разжалобить строгих блюстителей новой власти.

Их выселили настолько быстро, что всё осталось так, будто хозяева вышли на пруд за водой. Настежь открытый дом. Пыхающая на лавке квашонка. Тлеющие угольки в печи. Перепуганные кошки под кроватями. Строгие образа в углу. Ветхие церковные книги. Пачка денег в комод. Не убранный, с тёплой едой и хлебом, стол на кухне. Собаки на цепи. Вольно бродившие по двору куры. Мирно плескающиеся в пруду утки. Коровы на лугу. Пчёлки в открытых ульях. Бухающее под напором воды мельничное колесо. Снопы пшеницы под навесом. Рожь в поле.

Несколько раз Матрена Захаровна хотела образумить конвой, пыталась спрыгнуть с телеги, чтобы убежать назад, на усадьбу:

– Что ж вы делаете, мужики? Кто подоит коров?

– Без тебя подоят, – равнодушно отвечал Иван Нагорный, с усмешкой на губах.

– Там изба настежь! Кто за хозяйством будет смотреть?

– Без тебя досмотрят! – вторил Петька Бродников.

– Пустите меня назад, одну, хоть на ночку! Я сегодня договорюсь с кумой за хозяйством смотреть. А сама завтра пешком приду! – не унималась женщина.

– А ну, тётка, не дури! Сядь на место! Сказано – не положено, значит, не положено! – осадил её Михрютин Фёдор.

Женщина побежала назад. Конвой остановил движение. Клацнул затвор, выстрел карабина вспорол воздух. Пуля улетела в облака. Нагорный Иван выщелкнул из патронника дымившуюся гильзу, заправил затвором новый патрон:

– Следующая пуля будет твоя! Коли хочешь дожить до суда, воротись в телегу!

Хозяйка со вздохом вернулась назад. Дальше ехали молча. Прижимая к себе детей, женщины вытирали глаза уголками платков.

Деревню Жербатиху проезжали рысью. Люди смотрели из окон домов, прижимались к заборам. Одни крестились:

– Матерь Божья!.. Мельниковых всех выселяют!

Другие усмехались вслед:

– Наконец-то и до ентых кулаков добрались!

Ожидая суд в волостном селе Курагино, Мельниковы узнали, что в их дом пришли новые хозяева. На их усадьбе представители советской власти решили организовать отдельное, народно-крестьянское хозяйство «Коммунар».

Следствие и суд над Мельниковыми длились недолго. Из зачитанного Постановления политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 года они узнали, что попадали под вторую категорию раскулаченных крестьян, которую составляли «остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, подлежащих высылке в отдалённые местности Союза ССР и в пределах данного края в отдалённые районы края».

Укрывательство продуктов питания и содействие войскам белой армии являлись веским основанием для наказания семьи. На допросах никто из Мельниковых так и не признался, что у них был Константин со своими товарищами – офицерами белой армии. Даже дети. Однако это не явилось оправданием и не смягчило приговор: «Выселить с настоящего места проживания в отдалённые районы Севера на постоянное место жительства!»

Их отправили в город Минусинск, где, дождавшись полной комплектации, препроводили на баржу. За время от ареста до этапа прошло немного времени. На то были веские причины. Холодная осень торопила зиму. До ледостава на Енисее оставались считанные недели. Появилась необходимость срочно выслать кулаков к месту назначения.

Где назначено место ссылки, никто не знал. Кто-то говорил, что всех недовольных советской властью определяли дальше, за Енисейск, где ничего не растёт, летом в смерть заедает мошка, а зимой от мороза лопаются лиственницы. Страшные представления о том, что их ждёт в будущем, угнетали людей больше, чем полная потеря хозяйственного подворья. Конвоиры на палубе намеренно вели громкие разговоры о том, что «в северных лесах на тысячи километров вокруг нет ни одного человека, и вряд ли кто-нибудь там доживёт до весны». Слушая это, женщины стонали, крепче прижимали к себе детей, шептали молитвы о спасении душ. Склонив головы, мужики тяжело вздыхали:

– За что?..

Среди прочих голосов часовых на палубе Мельниковы хорошо слышали голоса своих земляков. Братьев Бродниковых, Ваньку и Петьку, а вместе с ними Михрютина Фёдора и Нагорного Ивана приставили к ним в группу конвоя. В связи с малой численностью вооружённой охраны всем четверым приказали сопровождать семью до конечного пункта назначения. Сначала они обрадовались, считая, что конечной точкой будет Минусинск, где можно на людей посмотреть, себя показать, вино попить, познакомиться с городскими дамами. Рано радовались. Начальник милиции продлил «командировку». Им надлежало конвоировать своих подопечных до места поселения.

Не ожидая такого поворота событий, они окончательно разозлились, обвиняя в непредвиденных обстоятельствах Мельниковых. Никому из них не хотелось плыть за Енисейск, тем более, что впереди ожидалась зима. Не скрывая своего недовольства, Бродниковы намеренно искали повод для конфликта, желая досадить семье всем, чем можно. Мужская половина понимала это, поэтому, договорившись между собой, отец и сыновья сделали вид, что смирились с ситуацией.

Застава Ломоватская

Холодная осень затянула седое небо свинцовыми облаками. С севера тянет промозглый ветер. В воздухе мечутся мохнатые снежинки. Освободившиеся от хвои голые ветки лиственниц подпевают ветру заунывную песню. Где-то в распадке глухо бормочет вода. На лужах тонкие корочки грязного льда. На обочинах остекленели пожухлые травы. За далеким урманом, собираясь в дорогу, гогочут гуси.

Взбираясь и опускаясь по пригоркам, петляя между зеркальными озерами и кочковатыми зыбунами, вьётся змеей разбитая дорога. Пологие горы с заснеженными вершинами теснят таёжный тракт справа и слева, бросают его в обход граней склонов, прижимают к своим бокам. Смешанный лес с обеих сторон сжимает путь непроходимой чащей. В некоторых местах между толстыми лиственницами едва проходит повозка, но это не мешает обозу пробираться сквозь дикую, северную тайгу дальше вперёд.

Тяжело тукают по мёрзлой земле копыта коней. Брякают на ухабах колеса телег. От напряжения скрипят оглобли, хрипят лошади. Подгоняя уставших животных, покрикивают погонщики. Проклинаая негостеприимную землю, ругаются нервные охранники. Всадники с карабинами за спинами устало осматриваются по сторонам. Подневольные люди, тяжело переставляя ноги, покорно бредут в окружении охраны.

Впереди верхом на лошадях неторопливо едут три всадника в суконных куртках. За ними, на телегах, прижимаясь друг к другу, сидят дети. Рядом с ними, придерживаясь за края повозки, шагают женщины. Сзади, подталкивая повозки в трудных местах, идут мужики. Замыкает колонну отделение стрелков в составе семи человек. В их числе Ванька и Петька Бродниковы, Иван Нагорный и Фёдор Михрютин.

Восьмой день этап передвигается по выбитой дороге через тайгу от берега Енисея. Восьмые сутки изнурительного пути по бескрайним просторам Севера. Постоянное движение вперёд от светлой полосы на востоке утром до глубокой темноты вечером с ночёвками в холодных избах в лёгкой, не по сезону одежде, со скудными пайками.

Мельниковы идут в конвое четвёртыми от начала. Впереди них передвигаются Ерофьевы, Подгорные, Масловы. На четвёртой телеге сзади нагружены продукты и вещи конвоиров. Простуженные дети кашляют, смотрят на взрослых непонимающими глазами, кутаются в жалкие одежды с родительских плеч. Повязав под подбородками заношенные платки, в длинных платьях, едва переставляя по грязи латанные бродни, рядом идут женщины и с тревогой смотрят на ребятишек. Заматавшись в грязные, потрёпанные в дороге рубахи, заросшие, с серыми лицами бредут мужики. В сознании каждого одна мысль: скорее бы привал, развести костёр и напоить малышей горячим кипятком.

Братья Бродниковы и другие охранники одеты в новые сапоги, суконные телогрейки, меховые шапки. Тёплую одежду им выдали ещё в Красноярске. Усиленный дополнительный паёк разгладил складки на их лицах. Если бы они ещё ехали верхом, то были бы вполне довольны. Но лошадей не хватает, рядовым приходится шагать пешком.

Максимке и Вите Мельниковым стало совсем плохо, поднялась температура. Анна в очередной раз просит командира взвода охраны остановиться, развести костёр, вскипятить воду, но тот равнодушен к мольбам женщины:

– Вон за тем холмом деревня, – показал рукой вперёд. – Придём – тогда хоть пожар распалай!

– Да замолчишь ты или нет, курва кулацкая? – орёт сзади Ванька Бродников. – Сказано – нельзя, значит, нельзя!

Анна подавленно опускает голову, тихо стонет, уговаривает детей:

– Потерпите, милые... Потерпите. Скоро приедем!

Ребятишки ненадолго успокаиваются, но через некоторое время вновь начинают плакать. И так всю дорогу.

Наконец-то этап поднялся на пологий перевал. С небольшой высоты видны далёкие, холодные, по-осеннему неприветливые просторы Севера. Внизу на десятки километров под ногами раскинулась огромная долина с резко выраженными пятнами тайги. Тёмно-свинцовые плешины между ними – непроходимые, топкие болота. Где-то далеко, едва видимые на линии горизонта рубцуются рваные, заснеженные горы. Чтобы добраться до них, нужен не один день.

Под горой стелется сизый дым, видны тёмные квадратики строений. До слуха долетает редкий лай собак: Ломоватка – глухое, дикое, староверческое поселение.

На миг остановившись, старший конвоя устало покачал головой:

– Пришли! Вот вам, господа захребетники, новое место жительства! – И, важно покачиваясь в седле, грозно дополнил: – Отсюда не сбежите!

Смотрят Мельниковы перед собой – душа стонет. Овальная долина похожа на необъятную яму с чёрным островом посередине, вокруг которого топи и зыбуны. Куда ни кинь взгляд – всюду седая, угрюмая стынь. Неприветливое, гиблое место, в котором живёт смерть человеческая. Кто первый из них сгниет в этих болотах, кто выживет? Да и выживет ли?!

Недолго задержавшись на перевале, колонна двинулась вниз, к жилью. В нос уставшим путникам ударил застоявшийся запах дыма. Навстречу им, опережая друг друга, с громким лаем бросились несколько пёстрых собак. За ними из домов вышли вооруженные карабинами люди в военной форме. Увидев среди охраны знакомые лица, они закинули за спину оружие, остановились в ожидании конвоя.

Староверческая заимка Ломоватка некогда представляла собой отдалённый от больших деревень и сёл родовой скит вольных переселенцев, некогда изгнанных православной Церковью с обжитых мест за противостояние нововведениям патриарха Никона. Изгнанники ушли всё дальше, в недоступные места глухой тайги. Годами, десятилетиями, веками староверы добирались из Вятских, Самарских, Тульских, Ярославских, Пермских и других уездов в дикие, необжитые края за каменный пояс.

Далеко не каждый из переселенцев достиг вольной земли, где мог жить свободно. Многие умирали от голода, холода, ножа или стрелы крутых нравом кочевников, аборигенов. Те, что добрались, смогли закрепиться, обжиться и хранить свой крест, старые заповеди, данные им от рождения твёрдыми духом предками.

В большинстве своём отшельнические скиты походили на таёжную деревеньку, в которой проживало несколько семей одного или нескольких родов. Разбросанные на десятки километров поселения имели связь между собой. Старообрядцы хорошо знали своих соседей, общались друг с другом, ходили по знакомым только им тропам, помогали единоверцам в беде и радости, отмечали праздники, переплетались семейными узами. Найти староверческий скит в тайге было непросто. Труднодоступные места, горы, топкие болота служили им естественной защитой от преследования и налогообложения той или иной власти. Редкого гостя староверы не отвергали, но и не пускали в дом, давая пищу и кров в отдельной избе. Если появление чужаков становилось частым явлением, они бросали, жгли свои дома и уходили ещё дальше в лес.

Ломоватка – типичное селение староверов в Сибири. Небольшая, в несколько домов деревенька была создана руками рода староверческой семьи Ломоватовых. Срубленные одним топором, без единого гвоздя, избы, хозяйственные постройки, сараи, дровенники, небольшой молебельный дом походили на сказочные теремки. Вокруг, куда ни падал взгляд человека, на сотню вёрст тянулись зыбкие болота. Унылый пейзаж и суровый климат бесконечного Севера служили идеальной защитой от людей.

Хозяйство у староверов было основательное. Большая тёплая стайка для четырёх коров и куриц находилась сразу за домами. Лошадей Ломоватовы не держали, потому что не имели

возможности заготавливать овёс. В стороне, под горой, находились большие огороды под картошку и пасека. Все строения огораживал прочный, двухметровый частокол – от медведя, волка, лисы, песца, горностая, колонка и даже соболя, что не прочь пожить в домашней живности. Единственные ворота на ночь запирались прочным засовом. Для людей с ветру стояла отдельная избушка с запасом продуктов и дров. По всему видно, что заимка строилась староверами не один год.

Пять невысоких, приземистых домов, расположенных вокруг небольшой часовни, располагались выходами друг к другу подобием замкнутого круга, чтобы снег приходилось кидать меньше, а в мороз пройти из дома в дом быстрее. Зима здесь длится почти девять месяцев. Обильные снегопады с ветрами и морозами – дело обычное. К каждому жилью пристроены тесовые дровенники.

Толстые стены домов-пятистенков срублены из лиственницы. Окна маленькие, редкие, затянутые бычьими мочевыми пузырями. Входные двери низкие, с высоким порогом для того, чтобы выходило меньше тепла. Посередине избы большая, глинобитная печь с широкими полатами над ней. В доме нет комнат: в одном углу едят, в другом молятся, в третьем рукодельничают, в четвёртом спят. Вместо кроватей – деревянные нары вдоль стен, разделённые холщовыми занавесками. Внутри достаточно светло. Полы, столы, лавки, стены и потолки выскоблены добела. В каждой семье имеется по две-три десятилинейных керосиновых лампы.

Сколько лет они прожили здесь общиной – известно одному Богу. Неизвестно, сколько бы ещё продолжалась их тихая, спокойная, размеренная жизнь, если бы не революция 1917 года.

Далеко не сразу на холодных северах появился красный флаг. Первые представители советской власти долго объясняли забитым, тёмным людям преимущество и справедливость новой жизни. Со временем староверы поняли, что сбылось пророчество Писания о начале Великой смуты:

– ...И пойдёт брат на брата... сын на отца!

Конные отряды чоновцев нагрянули на заимки в начале двадцатых годов. Их появление для отшельников было не чем иным, как пришествием Антихриста. Неграмотные люди, ничего не понимая, слушали о всеобщей коллективизации, продовольственном налогообложении и наказании за укрывательство врагов советской власти.

С целью полного уничтожения белогвардейцев чоновцы разместили на некоторых заимках и скитах свои силы. Как потом оказалось – предусмотрительно. Тихая, скромная, размеренная жизнь многих старообрядцев нарушилась наступившим хаосом. Неприятное соседство с военными, подъёмами и отбоями, разводом караулов, постами и ограничениями, постоянной текучкой кадров заставляли их испытывать сильное напряжение. Не выдерживая, многие тайно покидали обжитые места под покровом темноты, бросая своё хозяйство, уходили дальше в тайгу.

Ломоватовых постигла та же участь. На их заимке было сформировано особое воинское подразделение Красной армии под новым, ранее неизвестным в этих краях понятием – застава. Недолго помучившись, в глухую ночь, воспользовавшись снегопадом, они скрылись в тайге, забрав с собой только необходимое из хозяйственной утвари, старые книги и иконы.

Староверы ушли. Но название самого отдалённого поста осталось неизменным – Ломоватка. Остались такие же, как и сами хозяева, прочные строения.

Конный отряд чоновцев только этого и хотел! Иметь в своей власти хорошо укреплённую деревеньку в тайге – неслыханная удача, потому как не нужно обустривать новое место жительства, рубить дома, пригоны для лошадей, огораживать территорию от возможного нападения бандитов и даже заготавливать дрова. Красноармейцам осталось всего лишь построить две пулеметные вышки и составить расписание караулов.

Через восемь лет деревушка была реформирована в воинскую часть ОГПУ, охранявшую заключённых в лагерях. По решению Совета народных комиссаров Западно-Сибирского округа реки Обь и Енисей в средних течениях должна была связать таёжная конная дорога, где в качестве главной рабочей силы выступали раскулаченные крестьяне, среди которых оказалась и семья Мельниковых.

Шел 1931 год.

...Новая партия ссыльных принесла в спокойную обитель оживление. Не часто от Енисея приезжали люди. Один раз в месяц сюда приходил небольшой обоз с продуктами. Смена охраны происходила ещё реже: один раз в три-четыре месяца. Увидеть новые лица – большая редкость.

После необходимого уставного доклада между командирами вновь прибывшие и местные красноармейцы заговорили между собой. Всем хотелось узнать новости, расспросить о том, что происходит в стране, есть ли перемены в искоренении мирового капитализма. Об раскулаченных семьях, казалось, забыли.

Не дождавшись внимания, Анна напомнила о себе, подошла к командиру взвода этапа, стала просить за больных детей. Только тогда тот принял необходимые меры.

Ворота распахнулись, караван въехал на заставу. В очередной раз, поставив семьи отдельными группами, людей пересчитали. Все оказались на месте.

Начальник определил ссыльных на ночлег. Людей разделили. Мужиков и стариков – в один дом, женщин и детей – в другой. Уставшие, обессиленные от долгой дороги, женщины наконец-то смогли позаботиться о своих детях.

Здесь, в глухой тайге, охрана ссыльных существенно отличалась от этапа. Мужчинам и женщинам из каждой избы разрешалось свободно перемещаться по два человека по всей территории заставы: за дровами или водой к ручью, который бежал тут же, между домами. Им всего лишь требовалось спросить у начальника караула разрешения, после чего тот давал команду часовому на вышке:

– Эй, Гришка! Пусть вот этот за водой сходит! – показывал на человека. Или ещё проще: – Проследи, пока дров натаскает.

Часовой важно кивал головой, спокойно наблюдая за ссыльными и их действиями, нисколько не сомневаясь, что те никуда не убегут. В этом крылась страшная правда: бежать и правда было некуда.

Командир заставы Агафьев распорядился выдать заключённым продукты: перловую крупу, соль, небольшой кусок говяжьего жира и сухарей. Варить еду разрешалось в домах.

Перловой каши на всех едва хватало. В первую очередь родители накормили больных, детей, стариков и женщин. Мужикам осталось по две ложки. Однако и этой пище ссыльные обрадовались. За всё время недельного перехода от берега Енисея до Ломоватки им давали только сухари, воду приходилось кипятить на костре самим. Люди сильно сдали: похудели, осунулись, хмуро смотрели впалыми глазами. Каждый из них понимал, что подобные скудные обеды до хорошего не доведут. И всё же надеялся, что завтра, может быть, что-то изменится в лучшую сторону.

Горячий ужин напомнил об усталости. Глаза слипались, тепло в избах расслабляло тела, притупляло волю, забирало силу. Дети уснули первыми. Мужики в отдельном доме уступили место на нарах старикам. Сами, расстелив какие-то тряпки, легли на пол. Так же поступали и женщины.

Через некоторое время, проверяя все избы, к ним заходил начальник караула, недолго смотрел на спавших людей, после снаружи закрывал двери на запоры.

– Что там, Мишка? – спросил с вышки часовой по имени Лазарь.

– Спят все вповалку, – ответил тот, звеня щеколдой на дверях сеней.

– Пересчитал?

– Нет, – вяло ответил Мишка и равнодушно махнул рукой. – Куда денутся? – И, проявляя заботу о подчинённом, спросил:

– Замёрз?

– Есть немного! – хитро ответил Лазарь. – Кабы ходил туда-сюда – всё дело было, а так на одном месте стоять, сам знаешь. Принёс бы полкружки... для сугреву...

– Что вы там балакаете? – долетел со второй вышки другой голос. – Мишка, про меня не забудь! Тоже замёрз, как собака. Неси по сто граммов!

Начальник караула скрылся в часовне, вскоре принёс во фляжке спирт и кусочки нарезанной сохатины. Лазарь спустился вниз, выпил, закусил, довольно крикнул в кулак, опять полез наверх:

– Давно бы так! А то никакого разнообразия.

Старший по званию прошёл ко второй вышке. Там его поджидал Авдей. Как и Лазарь, он выпил предложенное Мишкой угощение, поблагодарил своего командира за услугу, полез на свой пост, сверху спросил:

– Скоро смена?

– Ещё рано, только что заступили. – Посмотрел на часы на цепочке: – Три часа вам ещё стоять!

Авдей тяжело вздохнул, присел на небольшую чурку, приставил карабин к перилам, полез за кисетом:

– Смотрите там... не проспите, как в прошлый раз. Приду, прикладом бока намну!

– Не бойся, не проспим, вовремя сменим! – заверил его Мишка и пошёл на доклад к командиру отряда.

Охрана Ломоватской заставы являлась некой пародией на армию без Воинского устава. Безалаберное отношение красноармейцев к караульной службе имело своё оправдание: кто тут, в глухой, дикой тайге, может напасть?! Действительно, за восемь лет существования поста на староверческой заимке не произошло ничего подобного. Более того, бандитов никто никогда не видел в глаза. Так для чего же был необходим строгий контроль, если о несвоевременном появлении чужих людей могли вовремя предупредить собаки?

Собак на заставе несколько, и все из них лайки. Овчарок к этому времени ещё не завели, они будут введены для охраны лагерей позже. А вот неукротимые, выносливые охотничьи псы были всегда к месту. На болотах водилось много лосей, которых добыть с помощью лохматой братии и нарезного оружия не составляло большого труда. Бывали случаи, когда на заимку приходили медведи.

Забавная история случилась с Лазарем Тереховым. Как-то рано утром, в конце тёплого, светлого июля, находясь в добром и сытном состоянии, Лазарь преспокойно досыпал последние часы своего караула. Смачный храп (отсюда потом пошла северная фраза: «Не рычи на всё Ломоватское болото») раздавался далеко по округе и, понятное дело, привлёк внимание косолапого. Не чувствуя запаха человека, не в состоянии что-то рассмотреть в густом тумане, зверь тихо, вплотную приблизился к частоколу, осторожно обнюхивая всё, что валялось за забором. Первое, что попало ему в лапы – шапка-ушанка сонного Лазаря, некстати упавшая на землю во время сна. Медведь попробовал её на зуб, долго жевал, оторвал одно ухо, а потом освободил в неё суточный запас кишечника. Удачно облегчившись, довольный мишка хрюкнул Лазарю свою благодарность. Хищника услышали спавшие под крыльцом дома собаки. Они подскочили с внутренней стороны ограждения, залились протяжным лаем. Медведь заревел от испуга, кинулся бежать.

Лазарь проснулся, не понимая, в чем дело, заорал, выстрелил в воздух. Караул поднялся в ружьё, застава переполошилась. Все подбежали к вышке, наперебой спрашивая о случившемся. Горе-охранник продолжал орать от страха и не мог дать вразумительного ответа, пока-

зывая пальцем за частокол на землю. Караульные осторожно открыли ворота, выпустили собак, с опаской подошли к указанному месту, нашли шапку Лазаря, всё поняли.

Над Лазарем хохотали все последующие сутки, да и потом не забывали упомянуть при любом удобном случае. Здесь и появилась остроумная частушка, сочинённая кем-то из товарищей: «То не чёрт над болотом ликует! То не леший в пучине орёт! Это Лазарь, ушанку стирая, заунывную песню поёт!»

Лазарь злился, но сделать ничего не мог. Чтобы избежать подобного конфуза, он обил вышку досками, чтобы «вниз ничего не падало», однако осрамлённая медведем шапка зарубцевалась на языках товарищей по оружию:

– Эх, Лазарь! В следующий раз медведь тебе в карман наложит!

Даже этот случай не повлиял на дисциплину на заставе. Охрана была организована из рук вон плохо. Часовые на вышках сидели, разговаривали, курили, пили, спали и делали всё, что им вздумается. Они могли спокойно спуститься на землю, сходить в караульное помещение на обед или ещё по каким другим надобностям. Смена часовых происходила через пять-шесть часов следующим образом: когда один не хотел нести службу, он просил товарища:

– Эй, Лазарь (или Гришка)! Иди, стой! А то у меня спина чего-то затекла!

Гришка поднимался наверх, выручая друга, при этом не забывал напомнить:

– Ну, ты смотри там, долго не залеживайся! А то мне надо к вечеру хомут починить!

Вечный караул состоял из пяти человек: четверых часовых и начальника караула, которые несли службу день за днем в течение трёх месяцев. Более того, начальник мог отпустить кого-то из часовых на остров или на охоту с собаками на болото. Несмотря на строгий приказ «всегда держать станковый пулемёт в боевом режиме», он был снят «за ненадобностью» с вышки несколько лет назад и находился в караульном помещении (в часовне). Дескать, на улице дождь, снег, надо постоянно чистить. Пусть стоит в сухом месте!

Поднимали его на место тогда, когда ждали приезда какого-то начальства, под грубые воспоминания какой-то матери и неизвестного конструктора, придумавшего эту железяку.

Всё так происходило потому, что бойцы, взятые на охрану Ломоватской заставы, были из числа местных крестьян, охотников и рыбаков, спокойно переживших революцию и Гражданскую войну в низовьях Енисея в таёжных деревнях и не попавших в кровавую мясорубку боёв и схваток. Одни из них пошли сюда потому, что здесь сытно кормили, тепло одевали и хорошо платили, других соблазнили нарезным оружием и ящиками с патронами: охотиться, сколько хочешь! Третьи записались просто так, от нечего делать.

Бессменный начальник караула Михаил Герасимов работал когда-то грузчиком у купца Скотникова в Енисейске. Командир взвода, он же начальник заставы Сергей Агафьев, был также из Енисейска. Он тоже не имел опыта боевых действий по причине своей молодости. Ему не было и тридцати лет. Лишь Лазарь Терехов воевал с немцами в Первую мировую войну, но и то в обозе.

В отдельном доме жили два инженера дорожно-строительных работ, намечавших и контролировавших дорогу через болота.

Завершала список постоянных жителей жена начальника заставы Авдотья Капустина: привлекательная, своенравная, знающая себе цену тридцатилетняя женщина. Она исполняла обязанности кухарки, прачки, уборщицы и завхоза в одном лице, за что её звали «хозяйка заставы».

Общая численность заставы достигала тринадцати человек, но в разное время могла меняться в большую или меньшую сторону.

В так называемой охране Ломоватской заставы царствовала анархия и беспорядок. Если бы в округе действовали отдельные, вооружённые группировки солдат армии адмирала Колчака или другие бандиты, им не составило бы большого труда заставить заставу врасплох и завладеть всем имеющимся здесь оружием, фуражом и продовольствием.

Жизнь Ломоватки протекала спокойно и даже скучно. До Енисея было больше двухсот пятидесяти километров. В распутицу таёжная дорога утопала в грязи и становилась непроходимой. Единственная связь – добраться верхом на лошади в летнее время, зимой – на лыжах. В распутицу и предзимье с заставой не было сообщения вообще. Завоз продуктов на склад производился заранее. Снабжение для тех лет осуществлялось по первому классу.

Один дом заимки оборудовали под продуктовый склад. Полы, стены, двери и окна обиты специально завезённой тонкой жстью, защищающей от мышей и всевозможных насекомых. Окна наглухо заколочены. Печь периодически топили, поддерживая нужную температуру воздуха, чтобы исключить повышенную влажность. Мука, несколько видов круп, соль, сахар, солёная и даже пряности от стены до стены заполняли всё пространство староверческой избы размером восемь на восемь метров. Узкие проходы между штабелями мешков, бочек с селедкой и капустой, ящиками с тушёнкой, жиром, растительным маслом и вареньем были так узки, что хозяйка заведения Авдотья Капустина, едва протискивала своё пышное тело. В отдельных канистрах хранился спирт, в сухих тюках – махорка, спички, керосин, парафиновые свечи, сукно, одеяла, подушки, зимняя одежда для красноармейцев.

В углу, составленные в общую пирамиду, стояли несколько десятков кавалерийских карабинов. Продовольствие завезли этим летом по сухой дороге несколькими обозами. Всё рассчитывалось на то, чтобы Ломоватская застава могла выдержать достойную оборону и безбедно жить на запасах несколько месяцев. Ссылным кулакам предписанием Наркома продовольственного снабжения из склада разрешалось выдавать по норме только два вида круп, муку, соль и жир по низкой мере, с расчётом на то, чтобы не умерли с голода.

...Закончив непродолжительный разговор с Лазарем Тереховым, Михаил Герасимов неторопливо пошёл к большому дому, расположенному в центре Ломоватской заимки с докладом к командиру. Когда-то в здесь жил глава рода Ломоватовых – старец Никодим с супругой Евстигнеей. Теперь размещается штаб. В окнах блистал яркий свет, виднелись многочисленные силуэты людей. Даже сквозь толстые стены избы слышны громкие голоса.

По случаю прибытия на заставу очередного этапа накрыт длинный стол. Вдоль него, по обеим сторонам, сидят милиционеры. Все вместе. В этот вечер нет различий и званий. Командир заставы Сергей Агафьев сидит рядом с Ванькой Бродниковым, настойчиво агитирует всех прибывших конвоиров остаться на заставе для продолжения несения службы:

– ...Людей не хватает! Караул сменить нечем! Часовые месяцами стоят! Мы вас долго не задержим: месяц, от силы два, пока новый конвой не придет.

– Ты нас тоже пойми! – двинул речь хмельной Ванька. – Нам до ледостава в Красноярск успеть надо! Уездный комиссар только на сопровождение отпустил. У нас в районе тоже дела!..

– Да разберутся без вас, новых людей соберут в милицию! Найдут кадры. А тут, в тайге, сам понимаешь, кого и где искать? – для мягкости разговора подливая в стаканы спирт, уговаривал Агафьев. – Служба у нас тут – не бей лежачего! Двойной паёк! Одежда, денежное обеспечение в тройном размере!

– А куда ж мы эти деньги девать будем? – с округлившимися глазами качал головой Фёдор Михрютин. – Отсюда до кабака в Енисейске на коне неделю галопом скакать надо!

– Пусть копятя, – настаивал командир заставы. – На будущий год домой с полными карманами вернётесь!

– На будущий год?! – едва не упал с лавки Петька Бродников. – Ты же только сейчас просил на месяц остаться!

– Ну, говорил, – поправился Агафьев, усмехнулся. – Через месяц нас тут завалит, добраться до берега можно будет только на лыжах.

– Как же вы тут живёте?

– А что нам тут?! Тепло, дрова от староверов остались, продуктов – склад забит. Перезимуем, не первый год! – И немного понизив голос до среднего: – А заодно посмотрите, как кулачье с голоду пухнет и от работы отдохнёте. Слышал я, что есть среди этапных ваши землячки?

– Есть такие, – заскрипел зубами Ванька Бродников. – Хотелось бы посмотреть, как они «с жиру беситься будут».

– Не сомневайтесь. Такая возможность вам представится.

– Как же это всё происходить будет?

– Завтра увидите. Покажем, как дело у нас тут поставлено. С прошлогоднего этапа... до весны половина не дожила. А в этом... может, и того хуже будет. Так как? Согласны?!

– Да уж, – переглянулись Бродниковы. – Хотелось бы посмотреть, как Мельниковы кровью умываться будут.

– Что так? Сильно насолили? – усмехнулся Агафьев.

– Есть такое дело! Ещё там хотели контру перестрелять, в тайге. Да комиссар наш, Глухарёв, не дал...

– Что же, – поднимая кружку со спиртом, предлагая выпить, зло засмеялся Агафьев. – Здесь вы их без патронов умертвите. Так что, остаетесь?

– Ради такого дела – согласен! – соловом посмотрев на брата, наконец-то сдался Ванька. – Да и братка, думаю, тоже не откажется. Ты как, Петруха?

– Остаюсь! – выпив залпом из кружки, выдохнул тот.

– А вы? – обратился к Михрютину и Нагорному начальник заставы.

– Раз такое дело, за нами не станет! – недолго думая, согласились Иван и Фёдор. – Где ж вы их тут хороните? Рядом с заимкой могилок нет. Недавно смотрел на пригорке, у леска одни староверы закопаны.

– А мы их тут и не закапываем, – вступил в разговор инженер Махеев и засмеялся. – Они все там, – махнул рукой куда-то в сторону болота, – на острове.

– На каком это острове?

– А ни на каком. На болоте.

– Чтобы на работу было ближе добираться, – наливая себе в кружку спирт, усмехнулся Махеев.

– Никак остров не называется. Остров, да и все тут, – дополнил начальник заставы. – Мы его так и зовем: остров Тайна. Он так и в докладах числится. И в распоряжениях руководства под грифом «секретно» это место значиться не должно нигде. Ясно вам?

– Ясно! Что же тут непонятного?

– Ну а раз ясно, значит, завтра утром поведёте своих подопечных под конвоем на этот самый остров! – поднимая кружку, отчеканил Агафьев и дополнил: – Это мой вам первый приказ!

– Есть! – пьяненько качаясь из стороны в стону, ответил Ванька и неприятно рыгнул нутром.

Дверь избы широко распахнулась, в дом вошёл начальник караула, поправил фуражку, гимнастёрку, доложил:

– Товарищ командир! Ссылные кулаки размещены по домам, поели, легли спать!

– Хорошо, Герасимов! Садись за стол, наливай! – не поднимаясь, ответил начальник заставы, указывая ему на свободное место.

– Караул выставили?! Дома на замки закрыли?! Вдруг сбегут... – поинтересовался Ванька Бродников и поперхнулся на полуслове.

Его речь прервал громкий хохот хозяев Ломоватской заставы:

– Сбегут?! Куда сбегут? Бежать-то некуда!

Остров Тайна

Утром выпал первый, неглубокий снег. Холодные, мокрые снежинки расквасили ещё тёплую землю в грязную кашу. Влажное атмосферное течение с юга напитало воздух сыростью. Ветви деревьев поникли под тяжестью воды. Седой туман над болотом скучился неприятным, промозглым мхом-ягелем. Солнца нет. Густые, низкие, плотные облака застили угрюмый мир тайги липким солодом. Сжавшийся, молчаливый лес похож на линявшую россомаху. Густой, стойкий запах болота чувствовался повсюду. Зябко. Промозгло.

Согнувшись у крыльца болотными кочками, поникли головами пёстрые собаки. Под навесом хрустят овсом лошади. Медленно вываливаясь из трубы сизой опарой, по крыше на землю течёт густой дым. Пробуя голос, в стае кричит нахохлившийся петух. Часовые на вышках с поднятыми воротниками шинелей похожи на просяные мешки.

Глухо хлопают двери домов Ломоватской заставы. На улицу и обратно выходят и заходят люди: заросшие щетиной мужики, с туго повязанными на головах платками женщины, запахнутые в поношенные одежды дети. Под навесом бывшей часовни неторопливо курят папироски отцы-командиры. Медленно заправляя на груди суконные куртки, бряцают оружием милиционеры. Докурив, командир заставы Сергей Агафьев крикнул начальника караула:

– Герасимов! Ну что там? Все позавтракали?

– Да! Поели, – ответил тот ожидая новой команды.

– Выводи строиться! – приказал командир, направляясь к воротам. Остальные последовали за ним.

– Выходи на улицу на утреннюю поверку! Все до единого! Никому в доме не оставаться! – спокойно командовал начальник караула, пропуская подневольных людей в двери.

Построение семей длилось недолго. За время этапа ссыльные научились быстро выстраиваться для пересчёта. Друг перед другом. Кулаки и конвой. Через пять минут Герасимов докладывал Агафьеву:

– Товарищ командир! Раскулаченные семьи присутствуют в полном составе! Сбежавших нет! Отсутствуют дети, шесть человек, – покачал головой в знак сочувствия, – простыли по дороге. Лежат, встать не могут.

– Что, всё так серьёзно? – приняв доклад подчинённого, поинтересовался начальник заставы у женщин.

– Да уж куда хуже? – с тревогой в голосе наперебой заговорили матери. – Если бы лекарства, травки, да в тепле отлежаться...

– Этот вопрос не ко мне, тут я вам ничем помочь не могу! Доктора у нас на заставе нет, лекарств – тоже. Насчёт травок спросите у завхоза, может, она вам что скажет. А вот тепло и покой обещаю! Больных детей и ухаживающих за ними разрешаю оставить в избах, пока не выздоровеют.

– А нас куда? На работы? Лес валить? – раздалась негромкие, робкие голоса мужиков.

– Неплохо бы в избах завалины закрыть, а то в стены дует, по полу тянет, – заметил Степан Мельников, считавший староверческие дома конечной целью пути.

Ссыльные, услышавшие его слова, поддержали. Они думали, что охраняемая Ломоватка – это их лагерь, в котором они будут проживать назначенные сроки поселения. И как жестоко ошибались.

Командир, а вместе с ним начальник караула, инженеры и этапные громко засмеялись. Осуждённые в недоумении переглядывались: что здесь такого? Наконец-то Агафьев начал свою пояснительную речь, которая осадила муть в грязной луже.

– Господа раскулаченные захребетнички! – с некоторой долей насмешки заговорил он. – Вы прибыли сюда по решению молодой Республики Советов за свершение каких-то преступлений и правонарушений законов трудового народа!

В толпе послышался недовольный ропот, однако говоривший не обращал на это никакого внимания.

– У каждой из ваших семей назначен свой срок поселения. Наша Коммунистическая партия предлагает вам значительно сократить срок заключения своим ударным трудом здесь, на строительстве северной дороги, которая свяжет две могучие сибирские реки Обь и Енисей. Значительную часть пути вы прошли сюда этапом, видели всё своими глазами. Осталась небольшая, но самая тяжёлая, трудная часть дороги: через болота.

Собираясь с мыслями, Агафьев ненадолго замолчал, этим воспользовались удивленные мужики:

– А как её вести по болоту-то, эту самую дорогу? – поинтересовался Иван Ерофеев.

– Надо уложить на выбуны сплошную лежнёвку из леса, – продолжил словоохотливый оратор, указывая рукой на место предстоящей работы. – Несколько семей из предыдущих этапов уже выложили мост, длиною два километра. У них это хорошо получалось... Всем им будут значительно сокращены сроки поселения. Я сам буду ходатайствовать перед Управлением об их переселении в более благоприятные места жительства по окончании работ.

– А сколько ещё осталось выложить? – перебил его нетерпеливый Гоша Подгорный.

Этот вопрос застал Агафьева врасплох. Он понятия не имел о настоящих размерах непроходимого болота, как не мог сказать приблизительные сроки окончания строительства дороги и будет ли она вообще открыта. В минуту замешательства командир посмотрел на своих соратников. Выручил инженер Махеев. Быстро приблизившись к уху Агафьева, он соврал предположительное число.

– Вот, товарищ Махеев, ваш непосредственный начальник по строительству, мне подсказывает, что осталось ещё десять километров... – повторил он его слова, и сам не поверил в то, что сказал.

До линии горизонта, на которой находились ребристые горы, было не меньше пятидесяти километров. В прошлом году Махеев с двумя помощниками пытались на лошадях объехать проклятое болото, чтобы приблизительно подсчитать объём работ, но на третий день вернулись назад. Они попали в сеть других, более мелких трясин, прилегающих к основной долине. Все три лошади погибли, людям чудом удалось избежать подобной участи.

– Десять километров... по болоту... – заговорили мужики между собой. – Много?... Мало?... А потом, ишь, говорят, переселят, где получше!

– А может... и вообще освободят! – воскликнул кто-то из толпы, взрывая в обманутых сердцах искорку надежды возвращения к свободе.

– Да что там!.. Будем работать!.. Сделаем... Нам к работе не привыкать! – зашумели Ерофеевы, Подгорные, Масловы и Мельниковы, готовые валить лес и выкладывать лежнёвку хоть сейчас, лишь бы быстрее справиться с заданием.

Простодушные. Работящие. В конечном итоге – жестоко обманутые. Именно так можно было охарактеризовать ссыльных крестьян в ту минуту.

– Когда начинать? – в нетерпении спрашивали мужики, переминаясь с ноги на ногу.

– Как только прибудете на место своего постоянного жительства! – сухо отрезал начальник заставы, зацепляя за спиной в замок руки.

– Где это? Куда? – наконец-то почувствовав горькую смолу на цветущем дереве, в тревоге переглянулись ссыльные.

– Вон туда! На остров! – Агафьев протянул руку в сторону болота, где возвышался густой, темнохвойный лес. – Вам будут выданы пилы, топоры, лопаты. На постройку жилья отводится три... нет, четыре дня. Потом начнутся работы. Всё, что непонятно, спросите у своих соседей.

Покидать остров без разрешения запрещено! Выходить на заставу без разрешения запрещено! Всё ясно?!

Тишина. Новый виток в круговороте черных дней. Окаменевшие лица мужиков. Тяжёлый вздох из груди женщин. Ссылные считали, что будут жить в тёплых, староверческих домах, а оказалось, им ещё придётся строить себе какое-то жильё. Поздней осенью. В холод. Как потом жить в мёрзлых стенах?

Кто-то в удивлении вскинул брови, не веря своим ушам, просил повторить последние слова: не ослышались ли? Родные одернули их за рукав.

– Есть ли какие вопросы и дополнения? – выдержав паузу, спросил Агафьев. – Говорите сейчас, пока я тут.

– Как с едой дело обстоять будет? – глухо спросил Иван Ерофеев. – Ребятишек-то кормить надо!

– Продукты питания вам будут выдаваться от нормы выработки на одну бригаду, семьи разобьются на две бригады: по две семьи в каждой. Кто с кем будет работать – выбирайте сами. Пусть сейчас по два человека подойдут к складу, завхоз выдаст недельную норму. После продукты будет подвозить служба обеспечения, – Агафьев показал рукой на охранников, куда были зачислены Ванька Бродников, Михрютин и Нагорный. – По каким-то другим вопросам – лично ко мне. Обращаться через инженера Махеева или начальника взвода охраны Коробейникова. Понятно?

– Куда уж понятней! – как пчелы, загудели мужики, опуская головы.

– Если так: разойтись на сборы! Прибрать за собой в избах! С больными детьми оставить двух женщин! От каждой бригады по два человека подойти к складу за продуктами! Через час быть готовыми к переходу на остров!

Все разошлись. Охрана собралась у часовни. Раскулаченные понуро присели на завалинках домов. Женщины принялись собираться в дорогу.

От склада донёсся тонкий, визгливый голос Авдотьи Капустиной:

– И де вы там за продуктами?! Долго мне тут с вами вошкаться? Счас склад закрою! У меня своих дел невпроворот!

Посоветовавшись, Мельниковы соединились в одну бригаду с Подгорными. Масловы согласились быть с Ерофеевыми. Какая разница, кому с кем работать?! Всё равно всем придётся тащить одну, общую лямку. От Мельниковых за продуктами пошёл Владимир. Подгорные отправили своего непоседу Гошу. Из второй бригады вышли молодые парни Артём Маслов и Игнат Ерофеев. Все четверо быстро прошли через ограду к складу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.